

Тимофей
Печёрин

ОХОТА НА
РАЗРУШИТЕЛЯ

2017

В надежде на легкую победу имперские легионы выступили в поход против варваров. Но сами из охотников превратились в добычу. И теперь уже варварские полчища попирают земли Империи. Их ведет жажда славы, богатой добычи, а сплачивает могущественная фигура Разрушителя Магии, чей приход был предсказан старинным пророчеством.

Но все еще сильна Империя Света. Прекрасной и неприступной кажется ее столица. А маги остаются высшей кастой имперского общества, управляющей жизнью простых смертных. И у магов нашелся неожиданный козырь против свалившихся на Империю бед.

Когда-то два наших современника не по своей воле попали в этот мир. Теперь они оказались по разные стороны баррикад. Успех одного грозит гибелью другому, и потому в живых остаться должен только один. Точнее... не более одного.

Тимофей Печёрин
Охота на Разрушителя

— Бей! Бей! Бей! Бей! — хором нестройным, но многоголосым вопили зрители на трибунах амфитеатра. Некоторые еще и хлопали в такт своим крикам. Отчего грохот стоял над ареной — будто гигантский отбойный молоток работал. Или кто-то забивал в устилавший ее песок невидимые сваи.

Помнится, в первые выходы у Глеба даже уши закладывало. С непривычки.

А самое неприятное дополнение к грохоту с трибун — солнце. Чьи лучи почти не встречали сопротивления, преодолевая крышу амфитеатра. Едва ли изготовленную из стекла, но все равно прозрачную. И устремлялись напрямик к небольшому проходу между трибунами... в лицо выходявшему из него человеку. В лицо, в глаза. Устроители боев как нарочно подгадывали со временем. Дабы доставить максимальное неудобство ему, Глебу. Сделать его участие в поединке как можно менее приятным.

Хотя, если вдуматься, смешное предположение. Глеб ведь был не единственным, кому приходилось развлекать зрителей смертельными (якобы) схватками на этой арене — в городе, кстати, далеко не единственной. И участие его в потешной баталии отнюдь не всегда выпадало на одно и то же время.

Смешное предположение! Да к тому же с изрядной примесью самолюбования, завышенной самооценки. Этого главного симптома «звездной болезни». С другой стороны, чему тут удивляться — опять-таки, если подумать?

— Бей-бей-бей-бей! — стоило Глебу сделать первый шаг по арене, как зрители заголосили еще громче. Хотя, казалось бы, куда уж еще. Но, видимо, в заполонившей трибуны толпе добропорядочных горожан не принято было сберечь силы, приветствуя своего любимца.

Что ж. Именно так — любимца, чьи ноги не раз попирали песок арены, а лицо успело примелькаться под прозрачным куполом. И стать узнаваемым. А коль так, не грех было и подыграть почтенной публике.

Повернувшись лицом к ближайшим из трибун и раскинув руки, словно для объятий, Глеб медленно развернулся кругом, давая возможность каждому разглядеть со всех сторон себя. Высокого коротко стриженного здоровяка в простых штанах из грубой кожи и такой же безрукавке. Не ахти какая одежда для боя — она, если и могла защитить от удара, то от очень слабого. Ну да не все ли равно? Коль Глеб сюда вышел не принимать удары, а совсем даже наоборот.

Оставалось решить вопрос с оружием. Добраться до меча, по обыкновению валявшегося на песке, на противоположном краю арены. А прежде, разумеется, не угодить под удары противника.

Опасаться что оный противник... или, скорее, спарринг-партнер одноразового использования сам завладеет поблескивавшим на песке клинком, не стоило. Во-первых, собственных мечей у того имелось целых два — по одному в каждой руке. А во-вторых, побеждать хитростью... ну, например, заблаговременно лишив противную сторону оружия, этому партнеру-сопернику просто не хватило бы ума. Не могло хватить. Слишком сложно для его простых, одноразовых мозгов.

Кстати, в отличие от Глеба, второй участник поединка выглядел полностью закованным в металл доспехов. С ног до головы — поскольку и был сплошь металлическим. Статуя не

статуя, робот не робот... таких вот ходячих железных истуканов в этих краях называли «автоматонами».

Что именно с автоматом предстоит ему сегодня драться, Глеб понял, едва заслышав глухое позвякивание железа. А затем еще в том убедился воочию, прикрыв лицо ладонью от солнца. Убедившись же — хмыкнул. Мол, не впервой.

Выглядел автомат по-настоящему грозно... в глазах непуганых идиотов. То есть того сорта зрителей, коих на трибунах было подавляющее большинство. Но и только-то. Да, железо неизмеримо крепче человеческой плоти. И оба меча казались естественным продолжением рук металлического бойца. Но все перечисленное не делало автомата неуязвимым.

Начать с того, что он не был выплавлен из цельного куска железа — в противном случае, поразить такого противника было бы почти невозможно. Однако и двигаться, конечностями шевелить, такой монолит точно бы не смог. А потому... и к счастью, в том числе и для Глеба, являл собой автомат своего рода «лоскутное одеяло». Множество скрепленных между собой деталей и железных пластин. С шарнирами, сочленениями, многочисленными стыками.

Кроме того, в ловкости, подвижности железная громадина весьма уступала живому человеку. Передвигался автомат грузно. Неуклюжим, неуверенным шагом человека, навалившего полные штаны. И данным фактом весьма удрученного.

А главное — преимущества, присущего даже глупейшему из людей, автомат лишен был начисто. Неведомые создатели обучили его только совершать и повторять несколько простейших действий: пошел-подошел, ударил-блокировал. Никакого разума в железную башку, разумеется, не заложив.

И теперь Глебу предстояло всеми слабостями соперника-партнера воспользоваться. Благо, за плечами у этого человека был уже не один десяток боев. Не один десяток побед — в том числе над созданиями, еще более опасными, чем ходячая груда железа. Вспомнить хотя бы элементаря: сгусток огня, горевший прямо в воздухе. И форму имевший, схожую с человеческой фигурой. Так даже этот «огненный человек» оказался смертным. Стоило рассечь его мечом насквозь, хотя бы поперек туловища, как «огненный человек» гас, обратившись в кучку золы.

Единственный удар... но прежде, чем его нанести, следовало подобраться к элементалю поближе. И при этом, во-первых не обращать внимания на веявший от него жар. А во-вторых, учитывать, что удары сей «горячей штучки» парировать обычным оружием невозможно.

Десятки побед — и ни одного поражения не выпало Глебу. В противном случае, не стоял бы он в очередной раз на песке арены и не слушал гул и грохот приветственных голосов с трибун. Среди множества партнеров-противников, сраженных Глебом, не было, как ни странно, ни одного человека. А значит, и не имелось ни единого шанса получить пощадку при проигрыше.

Искусственные существа, коих выпускали против Глеба и ему подобных, обучить их создатели потрудились немногому. Причем способность отличать боееспособного противника от поверженного, раненого, обезоруженного, а значит, и неопасного существа точно не входила в перечень их умений. Не говоря уж о любом чувстве, включая милосердие. — Бей! Бей-бей-бей! — не унимались трибуны.

«Без сопливых знаю, — про себя ответил с легкой, холодной, но злостью Глеб, — дайте

только добраться... до того, чем бить».

И он устремился навстречу автомату. Сначала легкой, вразвалочку, непринужденной походкой. Затем чуть ускорился, потом еще чуток и еще. Переходя с быстрого шага на трусцу. Да наблюдал между делом не без торжества, как металлический болван ускоряется в ответ. Гремя железом на пути к человеку.

Даже на этом этапе, когда действовал Глеб далеко не в полную силу, в скорости автоматон ему существенно уступал. Но человек знал: сама-то железяка тупая тужится, что есть мочи. Бездумно тщась повторить действия Глеба, автоматон выжимал максимум из своего неуклюжего железного тела. О силе инерции, к несчастью своему, не помышляя.

Когда между соперниками осталось чуть больше метра, автоматон вскинул обе руки, целя мечами в направлении человека. Но тот в последний миг успел резко рвануть в сторону. И, сделав зигзаг, обогнул автоматона, оказавшись у него за спиной.

Нехитрый маневр! Доступный, наверное, даже футболистам из российской национальной сборной — неоднократно и последними словами обруганных Глебом в той, прежней жизни.

А вот публика почтеннейшая прыть человека, даром, что безоружного, не оценила. Среди однообразного грохота призывов «бей-бей-бей!» и приветственных хлопков донесся до ушей Глеба и другой звук. Протяжный, словно рев раненого слона. Или «сигнал тревоги» организма при кишечных недомоганиях. «Тру-у-у-уп!» — звучал он. А нет, скорее: «Тру-у-ус!»

Такие возгласы напоминали Глебу, что пора бы подыграть публике, пришедшей посмотреть зрелищный поединок, а не беготню, не игру в «кошки-мышки».

А коль до меча было еще далековато, подыграть Глеб смог единственным способом. Улучив момент — заметив, что автоматон покачнулся, резко остановившись — человек, взлетев в прыжке, ударил ему в спину ступнями обеих ног. Разом. После чего, уже приземлившись на песок, закрепил успех. Для чего подсек ногами железные конечности партнера-соперника.

С глухим звоном автоматон рухнул, неуклюже распластавшись на арене. А Глеб для пущей зрелищности еще и на спину ему вскочил. Пару-тройку секунд всего постоял — чтоб и улыбку свою торжествующую зрителям явить, и успеть соскочить. Самому. Не дожидаясь, пока гряда железа начнет подниматься... и без труда сбросит наглого человека

Но нет — такого шанса давать автомату Глеб не собирался. Тем более, зрелищность зрелищностью, а время было дорого. И воспользовался человек им с лихвой. К тому моменту, когда автоматон снова был на ногах и шел к нему с мечами наперевес, Глеб тоже успел добраться до выделенного ему на поединок клинка.

Что дальше? Легче и быстрее всего схватку можно было завершить, повторив свой давешний маневр. И снова оказавшись за спиной автоматона — теперь уже при оружии — ткнуть мечом между железных пластин у основания шеи. То была самая тонкая и уязвимая часть в конструкции металлического бойца. А потеря головы, даром, что не слишком обремененной мозгами, и для этого создания была смертельной.

Но горожане, заполонившие трибуны, пришли сюда не ради быстроты и легкости. Здешний (да и не только здешний) пипл желал хавать если не по-настоящему ожесточенный бой, то хотя бы видимость оного. А значит, живому участнику поединка в последнюю очередь следовало облегчать свой труд. Если, конечно, он не хотел вместо народной любви и негласного «звездного» статуса получить втык от распорядителя. По прошлому опыту Глеб

знал: втык непременно последует и не только словесный. Если, конечно, вышеупомянутый удар с обезглавливанием автоматона ему не хватит ума отложить напоследок.

Пока же... пока следовало вертеться. Как любому человеку, в каком бы мире он ни жил. Если, конечно, жить ему не надоело.

И для начала... ну, если считать бросок за мечом лишь прелюдией, Глеб подпустил автоматона на расстояние удара. Затем, без труда отбив атаку ближайшего из его мечей, увернулся от второго клинка. А уже в следующий миг послал оружие свое в направлении локтевого сгиба железного противника. Точнее, шарнира на этом сгибе. Будто вену автоматону проткнул.

Удар вышел не из самых успешных. Коль рукой и шевелить автоматону приходилось постоянно, и тяжести поднимать, скреплены конечности у него были всяко прочнее и надежнее, чем голова крепилась к шее. Так что без руки автоматон не остался. Просто, расштанной, двигал он ею уже с большим трудом. И куда труднее стало ей удерживать далеко не легкий меч. Он теперь не торчал вперед, а ощутимо клонился книзу — едва ль не волочась по песку.

С трибун донеслись торжествующие возгласы. Слов было не разобрать, но по тону Глеб догадался о главном. Публика заметила, что ход схватки благоволит человеку. Что, конечно, замечательно... но может навести зрителей на кое-какие нежелательные выводы. Что-де исход боя теперь предрешен, что победа живого его участника — лишь вопрос времени. А значит, смотреть поединок дальше зрителю не очень-то интересно.

Так уж устроен любитель зрелищ, что желает не только восхищаться героем, но и переживать за него. А как переживать за бойца, который, что называется, «пришел, увидел, победил»? Тут уж хочешь, не хочешь, а приходится одному бойцу, в поединке представляющему род людской, дать повод для переживаний.

Не стал отступать от этого правила и Глеб. Для чего, когда меч во второй, исправной, руке автоматона устремился в его сторону, сперва выставил свой клинок в качестве блока. А затем, нарочно, ослабил хватку на рукояти.

Сверкнув на солнце, меч выпал из руки человека. Над трибунами прокатилось тревожное «о-о-ох!». И еще больше зрителей замолчали, в напряжении затаив дыхание.

Закрепляя достигнутый эффект, Глеб попятился с толикой неловкости. Самую чуточку — так, чтобы не переигрывать. Чтобы как можно меньше зрителей заметили игру в поддавки.

Автоматон снова вскинул меч в исправной руке, замахнулся. И Глебу пришлось вложить в свое последующее движение как можно больше ловкости. Так, чтобы соблюсти золотую середину: и от удара не уйти, и не лишиться в результате одного головы.

В результате лезвие меча едва задело человека — порвав ему безрукавку и оставив... всего лишь царапину. И все же кровь есть кровь. По крайней мере, самые зоркие из посетителей амфитеатра заметили, как она пролилась и оставила темные пятнышки на клинке автоматона.

Но главное: после удара этого Глеб рухнул на спину. Словно бы именно меч противника поверг его. Зрители отметили это падение очередным протяжным «о-о-ох!», на сей раз даже вроде горестным. Кто-то аж всхлипнул — не иначе, какая-нибудь особо впечатлительная барышня.

Поврежденная рука автоматона, с усилием вскинувшись, послала волочимый по арене меч в сторону валявшегося на песке Глеба. Но тот, уже сочтя, что поддавков с него пока

хватит, резко перекатился с боку на бок, уходя от удара. В результате меч с силой ткнулся в песок арены... и движения железного гладиатора ощутимо замедлились. Тот словно опирался на оружие, как старик на трость. И живой противник не преминул этим воспользоваться.

Пинком из положения лежа Глеб выбил оружие из поврежденной руки. Будь конечность автомата исправной, хватка его была бы поистине железной и непреодолимой для человеческих сил. А так... под радостный возглас сотен плоток меч отлетел в сторону, железный болван сделался вдвое менее опасным. Глеб же с успехом использовал возникшую передышку, чтобы подняться на ноги. И даже добраться до своего оружия. Существовать одному оставалось всего ничего, но никто из зрителей об этом даже не подозревал.

Ни к чему им подозревать — заранее. Всеу свое время.

Поднять выбитый меч автоматон даже не пытался. Да и не умел, скорее всего. Так что теперь, держа оружие единственной исправной рукой, а второй рукой едва шевеля, как таракан усами, выглядел он даже забавно. И это, увы, никуда не годилось. Публика-то в амфитеатр не забавляться пришла!

Смекнув, что дело неладно, Глеб спешно предпринял новую атаку. С вновь обретенным мечом он ринулся к автоматону. Клинки столкнулись... человек парировал один удар железного соперника, второй. Атаковал сам. Первый удар автоматон отбил, но Глеб был гораздо проворнее. В повторной атаке его меч успел обойти выставленный для прикрытия клинок автомата.

В ничтожные доли мгновения меч преодолел остаток расстояния, разделявшего участников поединка... чтобы с силой воткнуться в щель на туловище автомата — между грудью и животом.

Воткнулся и застрял! Не причинив металлическому существу заметного урона. Глеб потянул было оружие на себя, пытаясь выдернуть. Но тщетно. Тем более, автоматон не собирался давать ему время вернуть меч.

Неловко приподнявшись, поврежденная рука сжалась в кулак... который уже в следующий миг врезался в грудь Глеба. Тот только и успел подумать: «Блин, а я недооценил эту железяку!», когда дыхание его пресеклось, и сам человек, отброшенный не по-человечески сильным ударом на пару шагов, рухнул на песок арены.

А автоматон между тем рубанул мечом в исправной руке по торчавшему из туловища клинку человека. Раз, другой, третий. С силой рубил — притом, что оружие его было тяжелее, чем у соперника-человека.

Окровавленный, испачканный песком и даже немного ошеломленный, Глеб не без усилия поднимался на ноги, судорожно лова ртом воздух. И одновременно глядя, как автоматон избавляется от меча в собственном туловище. Со звоном клинок ударялся о клинок до тех пор, пока меч Глеба не разломился надвое — и обломок, увенчанный рукоятью, не упал под ноги этой бойцовой «консервной банке».

Хоть и предусматривали Глеб с распорядителем да организаторами поединков такой расклад, а приятного в зрелище гибели оружия было мало. Человек даже выругался, не выдержав. И прибегнул при этом к выражениям, популярным у себя на родине.

Еще более эмоциональной вышла реакция зрителей. Не только «охи» и «ахи», но и крики, исполненные страхом, крики возмущения. В последнем случае — не иначе — кто-то поставил на победу человека немаленькую сумму. И теперь просто-таки физически ощущал, как эти деньги уплывают из его рук. Неужели этот несчастный думал, что надежды на

победу Глеба нет?..

К добру или к худу, но сам Глеб полагал иначе. Не забыв про еще один меч, коим мог бы воспользоваться. Да-да, тот самый, что был выбит из поврежденной руки автоматона.

Но прежде чем броситься за этим мечом, Глеб до последнего, сколько мог, изображал обреченную жертву. Мелко пятясь, отступал перед лицом надвигавшегося железного соперника. И от удара тяжелого клинка в металлической руке увернулся в последний миг. С неожиданной для обреченной-де жертвы шустростью.

В толпе зрителей кто-то радостно взвизгнул — ни дать ни взять, поросенок перед полным корытом. А Глеб, обогнув автоматона, уже мчался к оставленному мечу. И с трудом подхватил оружие... удержать на весу которое смог лишь обеими руками.

С этим мечом, непривычно тяжелым, он уже не мог мотаться по арене или кружить подле противника, следуя известной заповеди боксеров — «порхай как бабочка, жаль как пчела». Возможности живого участника поединка в тактике изрядно сократились... а значит, и уменьшилось время, оставшееся до того, как исход самого поединка будет решен. Так или иначе. И посему Глебу стоило поторопиться, дабы решить его в свою пользу.

Следовало поднажать — собрав остатки сил.

Когда автоматон приблизился, Глеб еле успел податься в сторону, уходя от удара. В сторону поврежденной руки железного противника — и едва ль не волоча меч за собой. Затем, рванувшись вперед всем телом, точно хищник в броске, Глеб рубанул трофейным клинком по ногам автоматона. Целя под колени.

Удар этот он нанес на пределе сил. Но все равно (и, несмотря на массивность оружия) повредить удалось лишь ближайшую из железных ног. Но хватило и этого. Потеряв равновесие, автоматон попытался было устоять, опершись на меч в исправной руке... но тщетно. Покачнувшись, железная туша, наконец, рухнула на песок.

«Эх, — напоследок не без досады подумал Глеб, — а я ведь даже вторую руку ему обезоружить не успел».

И только затем ударил острием клинка в металлическую шею, лишая автоматона головы. Чтобы уже мгновение-другое спустя услышать над головой громовой голос, заглушавший даже радостный рев зрительских глоток:

— И снова в который раз нас порадовал неоднократный победитель арены, несравненный... Рокки!

Именно так — под именем Рокки — Глеб был известен любителям поединков на арене. Ведь что за знаменитость без псевдонима? И думал над оным Глеб недолго. Назвав себя в честь героя одноименного фильма с Сильвестром Сталлоне, любимого в юные годы.

В конце концов, ну не погоняло же из предыдущей жизни в качестве псевдонима брать. Не так уж дорога была Глебу эта прежняя жизнь. Как и все, с нею связанное.

Поток прохладной воды лился с потолка, стекал с макушки по волосам. И, струясь по коже, смывал с нее пот, грязь и запекшуюся кровь.

Вместе с водой пришло расслабление — великая роскошь, на арене недоступная. А еще, как ни странно, толика бодрости.

Глеб стоял под водяным потоком в душевой камере и с каждой секундой ощущал себя все более свежим, умиротворенным. После поединка он готов был вечность стоять так, смывая саму усталость, принесенную прошедшей схваткой. А в мозгу тем временем лениво и непринужденно шевелилась вновь и вновь одна и та же праздная мысль.

«А не такие уж они и дикари...»

Они — имелось в виду те люди, что сцапали Глеба вскоре после того, как он, выполняя приказ своего хозяина Виктора Каледина, полез в загадочную дыру-пятно, висевшую прямо в воздухе на лесной поляне. Прошел... и перенесся сюда. За тридевять земель, в страну, которой наверняка нет на карте. А то и вовсе на другую планету.

Так вот, впечатление о местных жителях, как о дикарях, сложившееся было у Глеба после первой встречи с ними, вышло обманчивым. Да, здешние то ли вояки, то ли менты, арестовавшие его за бродяжничество... или просто как явного чужака, ездили на лошадях, а не на автомобилях и не имели огнестрельного оружия. Но с другой стороны они и не испугались, когда Глеб достал пистолет и выстрелил в воздух. Не дали деру и уж тем более не пали на колени перед неведомым громовержцем.

Какое там! Их было трое, и они были настоящими профессионалами. В отличие от Глеба, едва ль не полностью профукавшего армейский опыт на работе то в охранных агентствах, то на криминальных дельцов — Каледина и не только. В последнем случае работа была, что называется, «не бей лежащего». Знай себе, стой с суровым каменным лицом за спиной Хозяина. Иногда с оружием наготове и в толпе таких же обладателей широких плеч, коротких стрижек, каменных лиц... ну и стволов в придачу. Стой и изображай время от времени тупого агрессивного скота, если видишь, что Хозяин недоволен.

В общем, хоть и служил когда-то Глеб не абы где, а на Кавказе, хоть и нарвался на вояк с мечами, будучи сам при стволе, но ни хрена ему это не помогло. Его противники были профи, за ними был численный перевес... а еще у них была сеть. Ее-то и набросили на Глеба, предварительно его окружив.

Так что бывший... да, похоже, теперь уже бывший калединский прихвостень даже ранить никого не успел. А впоследствии даже решил, что оно и к лучшему. Ведь в противном случае пленившие его вояки могли поступить с Глебом гораздо суровее. И даже если бы каким-то чудом ему удалось отбиться — на сей раз, это бы мало что решило. Обойма-то в пистолете не бесконечная. А значит, вскорости человек, попавший неведомо куда, оказался бы еще и без оружия.

А так его всего-то на всего конвоировали до стоявшей неподалеку небольшой крепости. Где после сугубо формального допроса и пары-тройки дней, проведенных в камере, посадили в телегу с огромной клеткой, в компанию с угрюмым бугаем, заросшим грязной бородой и костлявым щербатым придурком.

Не самое приятное соседство! Да и поездку, продлившуюся не одну неделю, трудно было назвать увеселительной. Добро, хоть вояки из сопровождения кормили регулярно,

давали спать и не избивали, почти не унижали подотчетных пленников.

Последнюю неделю пути, кстати, Глеб находился в клетке уже один — бородатого бугая и щербатого доходягу сдали на руки другому конвою. А конечным пунктом в этом вояже для Глеба оказался город. Большой. И как впоследствии Глеб узнал, служивший столицей некой Империи — несомненно, могущественной и по местным меркам развитой.

Да и не только по местным! Историю Глеб знал плохо, но смутно припоминал, что вот, например, мылись древние люди редко. В лучшем случае в бане, а чаще — в ближайшем пруду, куда же сливали помои, сбрасывали мусор. И потому выглядели далекие предки хуже бомжей у теплотрассы или пьяных забулдыг где-нибудь на вокзале.

Однако в городе, куда доставили Глеба, с помывкой проблем точно не возникло. Даже у бойцовых то ли зэков, то ли рабов — а никем иным Глеб и ему подобные не являлись. Нужду справлять тоже приходилось отнюдь не в дырку в полу и не в ведро. Так что даже подсобные помещения при амфитеатре, предназначенные для проживания подневольных бойцов обладали большей благоустроенностью, чем, к примеру, многие дома в родном городе Глеба.

Мало того! Время от времени, в перерывах между поединками местных гладиаторов отпускали погулять по городу. Причем даже без сопровождения — просто с прикрепленным к запястью браслетом, расписанным какими-то значками, типа иероглифов. Значки еще тускло светились в темноте, а велеречивый старикан, что их надевал на запястья бойцов, уверял, что, первое: благодаря оным ему известно, где загулявший боец находится и, второе: снять браслет простому смертному не под силу.

Что до Глеба, то принцип действия браслетов он по невежеству не понимал. Но и судьбу испытывать не хотел. И вообще, по чести сказать, не горел желанием давать деру. Ибо новое занятие — сражаться на арене — хоть и требовало от него больше труда, чем работа на того же Каледина, но, как ни странно, и нравилась больше. Казалась интереснее, держала в тонусе.

В общем, о побеге Глеб, если и помышлял, то недолго и не всерьез. А прогулки по местной столице еще более убедили его в том, что от добра добра не ищут... и что именно считать за добро.

Начать с того, что в стольном городе Империи ему не попало на глаза ни покосившихся халуп, заждавшихся сноса, ни обшарпанных стен, ни мусора на улицах — общественной столовой для наглых крыс, ни самих улиц, не мощеных вовсе или мощеных как попало. В подворотнях не валялись мертвецки пьяные полутрупы, уродливые попрошайки не сидели по обочинам или близ входов в здания. И даже ни одного голодного и изможденного лица Глеб не встретил. Так чего же боле?

В общем, в хлебе насущном подданные Империи нужды явно не испытывали. А вот со зрелищами и вообще, развлечениями, напротив, как сказал бы школьный приятель Глеба, был «полный бизднес». Ни телевидения, ни кинематографа не имелось, ни даже театра. Более того, последний, похоже, пребывал отчего-то под официальным запретом. Как-то раз на глазах у Глеба стражники увели куда-то, заломив руки, некоего старика. И лишь за то, что он разыграл на улице простенькую сценку с двумя куклами, дабы развеселить плачущую девочку.

Не додумались местные жители и до радио. А посещение живых концертов плебсу было недоступно... как, впрочем, часто бывало и на родине Глеба. Ну, когда в его захолустный городок заглядывала с гастролями какая-нибудь столичная поп-супер-мега-звезда, заламывавшая запредельные цены на билеты.

В общем, единственным зрелищем, доступным большинству жителей имперской столицы, оказались поединки на арене амфитеатра. Но еще менее богатый выбор развлечений имелся у самих участников этих поединков. Не смотреть же на схватки коллег. За поведением на арене других бойцов Глеб если и следил, то лишь поначалу и исключительно в познавательных целях. Опыта набирался.

Ну а если хоть Глебу, хоть кому-то из участников боев на арене захотелось не опыта набраться — расслабиться, то пойти-то им было почти некуда. Разве что в бордель или кабак. И то если распорядитель раскошелится, ибо собственных денег подневольным людям иметь не полагалось. Распорядитель же избытком щедрости не страдал. Разве что бойцам именитым, вроде Глеба, шел на уступки. Да и то с явной неохотой. И непременно напоминал, что и выпивка, и женщины продажные для здоровья далеко не безвредны. А кому нужен больной боец? Разве что магу-лекарю, для которого появлялся лишний способ заработать. Известно за чей счет.

«Вот так вы меня и разорите!» — в конце своей преисполненной недовольством речи изрекал обычно распорядитель. Прежде чем тянулся все-таки за кошелем.

У всех приятных вещей и занятий есть один недостаток. Они не надоедают, их хочется длить до бесконечности. Из-за чего может не хватить времени на другие дела. Приносящие куда меньше удовольствия... но оттого не менее нужные, порой даже необходимые для жизни. Чтобы перейти к этим, последним, приходится делать над собой усилие. Такого вот усилия, хоть и небольшого, Глебу стоило решение покинуть, наконец, душевую камеру.

И стоило ему сойти с решетки, вбравшей в себя падающую с потолка воду, как поток оной разом иссяк. Как по волшебству... хотя почему «как»? Это на родине Глеба те, кто называл себя волшебниками-магами-колдунами-экстрасенсами, на деле оказывались в лучшем случае фокусниками, в худшем — жуликами и шарлатанами. В этих же краях существование магии оказалось не просто общеизвестным и доказанным фактом. Но и главным средством обеспечения в Империи комфортной жизни.

Из душевой камеры Глеб прошмыгнул в раздевалку. Где лениво и вполголоса обменялся приветствиями с другим бойцом — тот как раз готовился к выходу на арену — и начал одеваться.

Носить вне арены и поединков Глеб предпочитал ту же самую одежду, в которой перенесся в этот мир. Не из ностальгии — просто мода Империи мало что могла ему предложить.

«Брутальный», популярный среди воинов прикид из грубой кожи, вроде того, в котором он выходил давеча на арену, не отличался удобством. Особенно в жаркую погоду. Всякие же тоги, хламиды, туники и тому подобное, что среди гражданского люда столицы носили и дети, и взрослые, и мужчины, и женщины, на взгляд Глеба очень уж походили... на платья. Весьма предвзятым и полным предрассудков был этот взгляд, но тем не менее. Выглядеть хотя бы в собственных глазах трансвеститом Глебу совсем не хотелось. И потому нацепить на себя что-то из перечисленного он наотрез отказывался.

Из раздевалки Глеб направился в выделенную ему комнату — хотя бы просто полежать, отходя от боя. Пусть и не тянула та комната на номер-люкс и апартаменты звезды, но и теснотой не раздражала. Вполне свободно вмещающая не только кровать, но и тумбочку, шкаф, и даже пару кресел и маленький столик.

Но на сей раз в комнате казалось непривычно тесно — по вине трех... нет, не гостей, скорее, посетителей. Учитывая, кого в амфитеатре и вообще в городе правильнее считать гостем, а кого хозяином.

Одним из пришедших оказался ставший уже знакомым распорядитель. Привалившись спиной к стене, он стоял с какой-то непривычной для себя виноватой и заискивающей улыбкой.

— Рокки? — окликнул Глеба распорядитель со столь же нехарактерной робостью, — вот он... наш... Рокки.

Последняя фраза предназначалась двум другим визитерам, занимавшим кресла. Оба выглядели пожилыми, но бодрыми, с высокими лбами и умными проницательными лицами. Одевания этой парочки напоминали не то рясы священников, не то халаты тибетских монахов. А один — тот, что постарше и поблагообразнее — еще и носил поверх что-то вроде мантии, украшенной значками-иероглифами. Почти как на браслете.

«Маги! — догадался Глеб, — да не из последних, похоже. Тот-то, который браслеты

ставил, этим двоим, поди, в подметки не годится...»

— Глеб, — вслух представился он, — вне арены — можно просто Глеб.

— Хорошо... Глеб, — чуть скрипучим голосом молвил обладатель мантии со значками-иероглифами, — подойдите... мы бы хотели показать вам... кое-что.

Слегка заинтригованный, Глеб подошел к столику, куда второй из пришедших магов поставил шар величиной с большое яблоко, сделанный то ли из стекла, то ли из хрусталя.

Сначала шар озарился изнутри слабым белым светом... затем глаза Глеба уловили в нем какое-то движение. А миг спустя наклонившийся к шару поближе, и потом вообще присевший перед столиком на корточки, Глеб оказался удивлен настолько, что не матюгнулся едва. Еле сдержался.

И было отчего! Потому что, взглядываясь в шар, Глеб понял, что впервые за время жизни в Империи он смотрит самое настоящее... кино. Во всяком случае, видеозапись.

Детали, конечно, трудно было разглядеть из-за небольших размеров шара. Не говоря уж о том, что в качестве экрана он был плоховат — не слишком удобен из-за выпуклой формы. И все же главное в продемонстрированном ролике Глеб уловить сумел.

Толпа каких-то мужиков дикого и неопрятного вида, но при этом обвешанных оружием и облаченных в доспехи, врывалась в деревню — скопище деревянных домиков, сараев. Несколько мужиков с вилами и косами высунулись им навстречу... и были зарублены дикими ублюдками меньше, чем за минуту.

Затем толпа разделилась, рассыпавшись между деревенскими постройками. Кто-то из вооруженных громил гонялся за разбежавшимися в ужасе детьми, женщинами. Кто-то рубил на ходу подвернувшихся селян. Еще кто-то вламывался в дома. Кому же вламываться оказалось лень, просто бросал горящие головни на соломенные крыши.

Смена кадра — и теперь бородатый детина в рогатом шлеме и с бесстыдно спущенными штанами ни от кого не таясь, насиловал худенькую деревенскую девушку, почти подростка, перекинув ее через накренившийся забор и задрав бедняжке юбку.

Звука не было. Но все равно нетрудно было догадаться, что детине его занятие нравилось. А вот девушке — наоборот. Да только кто ее спрашивал?

Еще смена кадра. Деревня уже удалялась, полыхая гигантским костром. Клубы дыма поднимались к небу. А на первом плане, оставляя горящую деревню за спиной, двигалась процессия. Давешние вооруженные до зубов налетчики-дикари вели за собой вереницу из закованных в одну, длинную цепь детей, женщин, немногочисленных мужчин. Следом гнали, нахлестывая, коров, овец.

Вот какой-то немолодой мужичок с опухшим лицом пьяницы осел на землю — не иначе, ноги подкосились. Подскочив к нему, один из конвоиров ударом меча снес мужичку голову: а нечего, мол, всех задерживать.

— И че это за беспредел? — глухо вопрошал Глеб, отрываясь от шара, когда тот, наконец, погас.

Хоть и навидался он в жизни всякого, а содержание просмотренного фильма, мягко говоря, не порадовало.

— Варвары, — коротко молвил маг в мантии.

— Дикие племена... или кланы, — более подробному ответу сподобился его сидящий напротив коллега, — дикие вольные поселения. Живут в землях примерно к северу от Империи Света.

— И доставляют нам, так сказать... беспокойства, — добавил обладатель мантии со

значками-иероглифами.

— Все равно не понял, — проговорил Глеб ворчливым тоном, переводя взгляд с одного мага на другого, — на... кой вы мне-то это показываете? Сами че, не знаете, как с отморозками поступать... тварями беспредельными? Раз тут Империя... могущественная наверняка, сильная, развитая... так почему бы не послать на них армию? Да волшебство свое на них не наслать — такое, которое не жизнь не облегчает, а наоборот?.. Навешали бы варварам этим... они бы век боялись нос потом из своих земель высунуть. Или вообще... что, нельзя завоевать их? И сделать цивилизованными людьми? А кто не захочет — с теми по-плохому.

Монолог этот сердитый маги, конечно, выслушали — в вежливом молчании и даже вроде бы внимательно. Вот только ответили на него возражениями. И тем особым тоном, с такими выражениями, какие использовать в споре были способны лишь всякие книжные умники. Этаким кастовый язык и соответствующий стиль общения. Феня навыворот.

— Не все так просто... Глеб, — изрек маг в мантии, — попробуем ответить по порядку.

— Ну, начнем с того, что война, знаете ли, весьма затратное занятие, — вторил его напарник, — и не только в денежном отношении. И как всякая затея, в которой приходится задействовать множество людей и других средств... в общем, решиться на нее власть имущим непросто.

— Мы же... маги, хоть в Империи и пользуемся влиянием... даже привилегированным положением, но императору... его министрам, сановникам по большому счету можем лишь что-то рекомендовать. А принять решение вправе лишь сам император.

— Нынешний же глава Империи — человек... скажем так, предельно осторожный и осмотрительный, — возможно, тот из магов, что демонстрировал Глебу шар со злополучным видеороликом, хотел выразиться менее дипломатично, но в последний момент осекся, — решения, особенно столь судьбоносные, как начало войны, он ни в коем случае не примет, не посоветовавшись с придворными...

— ...а также с женой, любовницей... и хоть кем-нибудь из дворцовой прислуги, — маг в мантии оказался менее разборчив в выражениях, — ну и с собачкой и говорящим попугаем заодно.

— Я уж о том не говорю, что даже среди таких как мы — умных, просвещенных людей нет единства в этом вопросе: как быть с варварами, — продолжал его коллега, — знаете, был у меня друг... еще, когда я в Магистериуме учился. В магии как в практическом ремесле он, увы, не преуспел. Зато жадно впитывал знания из книг, коих еще и коллекционировал потом долгие годы. Так вот, друг этот мой утверждал, что варваров нет смысла завоевывать. Что нужно их просвещать, приобщать к культуре, а через нее — к общим с Империей ценностям.

— Смешно, — Глеб хмыкнул, — интересно, а друг этот... с такими взглядами — он еще жив?

— Живет и здравствует! — в ответ воскликнул маг, — и, вы, быть может, удивитесь, но он осмелился даже поселиться в землях варваров. Причем, судя по его письмам, неплохо там устроился. Варвары... знаете, они, конечно, дикие жестокие твари, но у них своеобразные жизненные принципы. Убивают они тех, кто вышел против них с оружием. А от остальных пытаются поиметь для себя какую-нибудь пользу.

— Поиметь... да уж, — хмыкнул Глеб, вспомнив эпизод из просмотренного фильма — тот, где варвар насильно взял деревенскую девушку.

— Друга же этого моего они не только не трогают, но даже подкармливают... и

уважают, кажется. Хоть и по-своему.

— Но при этом не похоже, что просвещаются, — мрачно парировал Глеб.

— Увы и ах, — отвечал маг с прозрачным шаром, — в душе варвары подобны детям... глупым, порой жестоким, но детям. Которые с большой неохотой воспринимают умные мысли и полезные знания. Зато с восторгом принимают сказки, всякие истории занимательные и забавные побасенки... которые принимают за сказания и пророчества.

— Беда в том, — взял затем слово маг в мантии, — что одна из этих побасенок... как раз воспринимаемая варварами как пророчество... похоже, сбывается. Речь идет о «Пророчестве о Разрушителе Магии».

— Можно спорить, насколько «Пророчество» подлинное и насколько события последнего времени соответствуют его, так сказать, букве, — добавил второй из сидевших в комнате Глеба волшебников, — но факт остается фактом. Что-то, вернее, кто-то способен разрушать... или, если угодно, обезвреживать сущности, сотворенные с помощью наших магических заклинаний. И по этой причине мы не можем рассчитывать на магию в этой войне.

— Да и кстати, — последовали слова мага в мантии, — начать военный поход в земли варваров... даже нынешний император все-таки решился. Недавно. Вот только обернулся он поражением... посланные на север легионы были разбиты.

— Но худшее в нашей ситуации — даже не это, — добавил другой маг, — понимаете, все эти племена и кланы, как правило, грызутся между собой. То земли делят под пастбища и охотничьи угодья, то мстят за обиды, еще предкам нанесенные. И Империя, что греха таить, этим обстоятельством пользовалась. Даже продавать тому или иному клану оружие мы не гнушались... время от времени... и через седьмые руки, понятное дело. Чем больше мол, варвары перебьют друг дружку, тем нам спокойнее.

— Ясное дело, — Глеб кивнул, скорее дежурно, чем выражая согласие. И при этом все равно не понимая, чего старичкам-волшебникам от него понадобилось.

А один из этих старичков продолжал:

— Только вот раз в десять-двадцать лет среди варваров появляется своего рода центр притяжения. Кто-то вроде верховного вождя... или духовного лидера, вокруг которого племена и кланы объединяются...

— ...и становятся по-настоящему опасными не только для соседей или наших приграничных районов... но и для всей Империи Света, — добавил маг в мантии.

— Предыдущий раз — тогда варвары объединились вокруг вождя Малгора Краснорукого — остановить их вторжение удалось с большим трудом, — продолжил рассказ его коллега, — теперь вот таким объединителем выступает так называемый Разрушитель Магии. Именно за счет сплочения вокруг него и треклятого «Пророчества» племена и кланы диких земель смогли победить наши легионы. А затем... что хуже всего — сами вторглись во владения Империи.

Сценки, что мы продемонстрировали вам с помощью Хрустального Ока, случились в одном из окраинных селений... в одной из новых провинций. То есть, вглубь нашей территории варвары еще не проникли. Но если их не остановить... понимаете, даже до столицы дойти для них будет лишь вопросом времени. А остановить варваров пока не удастся. Из-за этого Разрушителя... в том числе.

На этих словах маг замолчал. Оба, сидящих в креслах, волшебника выжидающе уставились на Глеба.

— Хотел бы сказать «понятно», — проговорил тот, еще более озадаченный, чем в начале разговора, — но это будет неправдой. А я за свой... за свои слова привык отвечать. Так что признаюсь: ни хрена я сейчас не понял, кроме того, что всему скоро кердык придет... ну, конец, в смысле. И че? От меня-то здесь че надо? Чем я помогу? Я ведь не полководец, не стратег. Простой боец на арене — даже свободным гражданином не являюсь. Да, я победил... хрен знает, во скольких боях. Но вы ж не дети, правда? Должны тоже понимать, что бои те были... типа игры. Народ позабавить.

— Кстати о боях, — это осмелился подать голосок распорядитель, на протяжении разговора Глеба с магами хранивший почтительное молчание, — довольно посредственно в этот раз получилось. Скомкано в конце.

Маг, облаченный в мантию со значками-иероглифами, покосился в его сторону. Красноречиво покосился: лицо его выражало смесь недоумения и недовольства. С неммым вопросом: «Что это было сейчас?»

— Спасибо, — вслух отчеканил маг, — можете... быть свободны.

Стушевавшись под взором волшебника и этими его словами, распорядитель молча просеменил прочь из комнаты.

А один из магов — тот, который ранее продемонстрировал Глебу шар, названный Хрустальным Оком — заговорил, обращаясь к бойцу:

— Необязательно было тратить время, объясняя, кем вы являетесь и кем не являетесь, — голос его звучал сухо и в то же время с ноткой укоризны, — ваше личное дело... все материалы, какие по вам удалось собрать, я изучал лично. По долгу службы и не только.

— Но вернемся к так называемому Разрушителю, — вставил фразу маг в мантии, и его коллега кивнул.

— О том, кого варвары нынче считают героем «Пророчества о Разрушителе Магии» известно главное, — изрек он затем, — он не является ни полубожеством каким-то, ни бесплотным духом, ни порождением лживых слухов, в реальности не существующим. Он живой человек... более того, изначально даже был у варваров простым невольником. За скотом убирал. То есть, если не считать его странного и вредоносного умения, Разрушитель... смертен. Как вы и я.

— А-а-а, так хотите, чтобы я его замочил! — Глеб хмыкнул, довольный собственной догадкой, — ну, убил, в смысле.

Но затем с недовольством добавил:

— А че, больше некому? И вообще... искусственных чудищ на арене убивать и какого-нибудь пацана... человека в авторитете — это не одно и то же. Я этим и не занимался-то никогда... вообще-то.

— Все когда-нибудь приходится делать впервые, — важно, с выражением непроходимой мудрости на лице изрек маг в мантии.

А его коллега сподобился объяснению:

— Если Разрушителя уничтожить, в рядах варваров, скорее всего, произойдет раскол, — сказал он, зачем-то поглаживая ладонью Хрустальное Око, — воинство их снова превратится в разрозненные кланы, которые займутся своими любимыми делами — междоусобицами и набегами. И сладить с ними по отдельности легионам Империи не составит труда.

Весь вопрос в том, как это сделать — убить Разрушителя. А это не так-то просто.

Магией... боевыми заклинаниями его не достать, что называется, по определению. И более того, именно присутствие Разрушителя в войске варваров не позволяет нам применять магию в той мере, в какой это необходимо, чтобы переломить ход войны. А оружием... сами понимаете. Как и всякую важную персону, Разрушителя хорошо охраняют.

— Куда уж понятнее, — согласился Глеб.

— Да и сам он, по имеющимся сведениям — воин не из последних, — продолжал маг, — так что даже если удалось бы силой или хитростью пробиться к нему, успех все равно... сомнителен.

— Это при условии, если ограничиться применением только... обычного оружия, — с загадочной улыбкой произнес обладатель мантии с иероглифами, — ну а если не ограничиваться? Ведь на войне... все средства хороши.

Словно в ответ на эти слова, второй маг выложил на столик... пистолет Глеба. Изъятый у него в маленькой крепости после задержания.

— Исследования, проведенные у нас в Магистериуме, — сообщил маг в мантии, — не выявили в этом предмете ни малейшего присутствия магической или колдовской силы.

— И в то же время, — взял слово его коллега, — согласно показаниям пограничного патруля, задержавшего вас, Глеб, вы использовали этот предмет в качестве оружия. Пытались использовать, по крайней мере. Причем оружия, убивающего на расстоянии.

— По смертоносным возможностям оно сопоставимо... с некоторыми боевыми заклинаниями, — продолжал обладатель мантии, — но поскольку сила его — явно не магической природы, защиты от нее Разрушитель не имеет.

— И вы, Глеб — единственный в Империи человек, умеющий этим оружием пользоваться, — подытожил второй маг.

— Ну... допустим, — Глеб вздохнул и кашлянул с кряхтением, прочищая горло, — и все равно у меня есть вопросы. И вот первый из них: каков мой интерес? Мне-то это зачем — соваться к этому Разрушителю? От которого я не факт, что живым вообще выйду?

Старички-волшебники недоуменно переглянулись. Затем слово взял тот, из них, который показал Глебу пистолет, а ранее видеозапись в Хрустальном Оке:

— Как вы сами правильно сказали, человек вы подневольный. По сути вы в рабстве у того господина, — маг небрежно махнул рукой в направлении двери, в которую давеча вышел распорядитель, — не можете ни уйти от него, ни как-либо вообще распоряжаться своей жизнью. В случае же вашего успеха... и, конечно, если вы останетесь живы... чему мы со своей стороны намерены всячески способствовать, вам будет предоставлена свобода. Сможете даже вернуться... туда, откуда прибыли.

— Интересное кино... дельце то есть! — Глеб уже не раз успел поймать себя на том, что, выведенный из равновесия, то и дело прибегает к словечкам, в этих местах незнакомым, но поделаться с этим ничего не мог, — то есть, переводя с языка чинарей и политиканов, получается вот что. Мне будет позволено умереть свободным. Ба-а-альшущее охрентельное спасибо, бла-а-адетели вы мои!

На последних словах он еще отвесил поклон издевки ради.

— И даже если я выживу, — продолжал Глеб, — с арены уходить мне на кой хрен нужно? Куда? Откуда пришел, говорите? Так там, откуда я пришел — кем я был? То этим... разбойником, то воякой простым. Причем работать порой приходилось на такие куски дерьма, рядом с которыми император... ну, на которого вы гнали тут — ну просто редкой души человек. А здесь я знаменитость... какая ни на есть.

Снова переглянулись маги. «Он не понимает», — говорил взгляд того из старичков-волшебников, который носил мантию.

— Не то чтобы я завидовал вашему успеху, — вслух молвил его коллега, — хотя я не исключаю, что быть бойцом на арене интереснее, чем главой имперской Тайной канцелярии. Нравится вам то положение, которое вы занимаете — дело ваше. Вот только есть два... вернее, даже целых три «но». Итак!

Первое: с годами мы, хоть и обретаем опыт, но не становимся более сильными, ловкими, выносливыми. И в этой связи сами можете прикинуть, насколько вас хватит в роли непобедимого бойца. Сколько вы продержитесь в этой роли, а главное — чем рано или поздно это кончится.

Второе: если варваров не остановить, в один прекрасный день они дойдут до столицы. Досюда дойдут, чтобы вы понимали и прочувствовали. И даже если не возьмут город штурмом... не решатся вообще, они могут, зато опустошить имперские земли за его пределами. Торговля и сельское хозяйство будут парализованы, начнется голод. И тогда... вы, надеюсь, не думаете, что ваш распорядитель наизнанку вывернется и от себя будет готов отрезать, чтобы прокормить такого вот «любимца публики»?

Ну и, к несчастью для вас, есть еще и третье. До предыдущих двух неприятных для вас обстоятельств — утраты боеспособности и голодной смерти — вы, вообще-то говоря, можете и не дожить.

— Даже так? — переспросил немного опешивший Глеб.

«А реально, чего я ждал? — еще подумал он, — в конце концов, что за базар без наезда? Это ж хрень тогда получается... канитель нездоровая. Все равно, что безалкогольное пиво, например. Или, как если познакомиться в клубе с симпатичной бабенкой, бухло ей оплатить... да на этом и разбежаться».

— Тут ведь вот какое дело, — продолжал «наехавший» маг, — волшебной силы в вашем оружии нет... как и в других предметах, у вас изъятых...

С этими словами он выложил на столик рядом с пистолетом мобильный телефон Глеба (по всей видимости, давно пребывавший в коме из-за отсутствия заряда), зажигалку, а также связку ключей с брелоком. Один из ключей был магнитным — подъездную дверь открывать. А брелок по совместительству был мини-устройством, включающим и выключающим автосигнализацию на старом, на ладан дышащем и потому купленном за бесценок, но все-таки «крузаке» Глеба.

— Итак, вещи однозначно не магические, коллега из Магистериума подтвердит, — на этих словах маг в мантии с важным видом кивнул, — однако сложность... технический уровень их изготовления намного превосходит нынешние возможности, как Империи, так и всего обитаемого мира. Что наводит на кое-какие предположения.

— Зато так называемые Текны умели создавать подобные... устройства еще в древности, — сообщил обладатель мантии со значками-иероглифами, — ну, согласно сохранившимся источникам.

— Считалось, что Текны были полностью разгромлены и уничтожены давным-давно, — молвил его коллега, — сам факт их существования держался в секрете — даже от магов... отчасти. Однако совсем недавно... незадолго до того рокового похода наших легионов против варваров, воинам этих легионов довелось столкнуться с десантом Текнов, невесть откуда взявшимся. Согласно донесениям десант был совсем малочисленным. Однако уничтожить его удалось с немалым трудом, серьезными потерями... и применением

секретного оружия.

«Интересное кино, — подумал Глеб, внутренне усмехаясь, — настолько доверяют, что даже обсуждают со мной секретную информацию? Хотя, конечно, чего тут бояться? Разглашу я, что ли, их секреты? А как? Шлюхе в борделе проболтаюсь? Или в кабаке под пьяную лавочку? Или с арены проору перед зрителями? Да только кто это вообще всерьез воспримет? Боец арены рассказывает тайны магов, ха! Все равно, как если у меня на родине... ну, порноактер бы начал рассуждать о мировой политике. Или спортивный комментатор — о последних научных открытиях».

Впрочем, последующие слова волшебника, представившегося вроде главой Тайной канцелярии, показали, что дело отнюдь не в доверии. И не в серьезности или несерьезности восприятия Глеба кем бы то ни было.

— По всей видимости, Текны где-то уцелели. В каких-нибудь далеких, нам недоступных уголках мира... не так ли, Глеб? — похоже, этот маг считал его одним из этих супостатов, — можете не пожимать плечами, последний вопрос задавался не для ответа. Важно то, что сейчас Текны активизировались. Причем активность их явно не дружественная. Что, поверьте, особенно неприятно, когда твое государство и без того уже ввязалось в войну.

И тут... примерно в это же время, но несколько раньше, появляетесь вы. Неизвестно откуда. И с предметами, которые не мог изготовить никто кроме Текнов. Как прикажете вас воспринимать? Ответ, на мой взгляд, однозначен: как шпиона враждебной стороны.

Последние три слова маг буквально отчеканил. Словно гвозди забивал. В гроб, в котором намеревался похоронить Глеба.

— Теперь понимаете? — обратился волшебник к нему, вперившись в лицо Глеба цепким пронизательным взглядом, — будь вы хоть трижды любимцем публики, это вас не спасет — при таком-то раскладе. Как поступают со шпионами и вообще с врагами, объяснять, я думаю, излишне. Зрители, особенно постоянные поклонники боев на арене, конечно же, расстроятся. Но ровно до того как распорядитель ваш, не будучи дураком, не выведет взамен «несравненного Рокки» какого-нибудь «несокрушимого Микки». Тогда «несравненного Рокки» быстро забудут.

— Это если вы враг, — голос другого мага, того, что в мантии, напротив, звучал добродушно, — но если вы... присутствуете здесь в качестве союзника... тогда совсем другое дело.

Не без удовлетворения Глеб понял, что узнает этот стиль ведения беседы. По прежней жизни он знал его под расхожим прозвищем «добрый и злой следователь».

— Совсем другое дело, — тон мага из Тайной канцелярии несколько смягчился, — если вы прибыли как союзник, готовый помочь Империи в трудное для нее время. В этом случае... при успешном выполнении вашей миссии вас не наказание будет ждать — но награда. Мы, маги, будем ходатайствовать перед самим императором о предоставлении вам не только статуса свободного гражданина, но и жилья в столице. И денежного вознаграждения... чтобы хватило на первое время, пока вы не встанете на ноги. Уж поверьте: Империя умеет быть щедрой к тем, кто ей полезен. Такой вариант вас устраивает?

— Пожалуй, — с некоторой нерешительностью отвечал Глеб, довольный, что ему не только кнутом погрозили, но и на пряники готовы не поскупиться, — только две проблемы есть. Во-первых, не бойтесь, что, покинув столицу, я не задание ваше побегу выполнять, а просто свалю? А во-вторых... даже с пистолетом к Разрушителю еще подобраться надо.

Ему вспомнилось, как в родном городе перекрывали площадь и соседние улицы, как

всюду суетились менты, включая ОМОН, когда оный город решил посетить губернатор области — вроде как для участия в каком-то публичном праздничном мероприятии. Всего лишь губернатор! А подступиться тогда к нему, потенциальному злоумышленнику нечего было и мечтать. Глебу же предстояло достать шишку покрупнее: предводителя всея варваров. Каких мер безопасности можно было ожидать вокруг его драгоценной тушки — страшно было и представить.

Маги, впрочем, поспешили его сомнения и страхи развеять.

— Вы же сами сказали, что вам у нас больше нравится, — напомнил волшебник в мантии, — что домой возвращаться вы не хотите? Разве нет?

— А насчет того, как... подобраться, — сообщил его коллега из Тайной канцелярии, — предоставьте это нам. Операция в основном спланирована. От вас требуется одно: следовать этому плану... через наши советы, подсказки. Ну и в подходящий момент правильно применить... вот это.

И он похлопал ладонью по лежавшему на столике пистолету.

Кстати, мага, возглавлявшего Тайную канцелярию, и, несмотря на столь высокую должность не побрезгавшего навестить простого подневольного бойца, звали Норенус Зоркий.

«Надо же, даже погоняло у него имеется, — не без удивления отметил про себя Глеб, когда этот маг соблаговолил представиться, — ну... что-то типа этого. Хоть вроде и не по чину...»

Сей незначительный вроде бы момент прибавил Норенусу в глазах Глеба толику уважения. Какое потом еще и усилилось во время инструктажа. Когда, едва ли не с первых слов, теперь уже бывшему аренному бойцу сделалось ясно: глава Тайной канцелярии стремится предусмотреть многое, если не все. А потому не только просчитал путь, который должен был привести Глеба к треклятому Разрушителю, но и допускал возможность отхода и маневра по мере необходимости. Ну, чтобы не держаться до последнего за некогда разработанный план, если новые, внезапно открывшиеся, обстоятельства помешают его исполнению.

Проще говоря, Норенус Зоркий не только планировал на шаг-другой вперед, но и допускал возможность импровизации. А коль так, то не имело смысла посвящать исполнителя (Глеба то бишь) сразу во все этапы. Обещанные же подсказки и советы Норенус намеревался выдавать шаг за шагом. По мере достижения очередной промежуточной цели.

При таком подходе Глебу и Норенусу... вернее ведомству, оным возглавляемому, требовалось быть на связи. Обеспечить же вышеназванную связь подвизался второй из волшебников-визитеров. Меторий Усердный, слывший в Империи не просто светилом магического искусства, но и верховным наставником Магистериума — учебного заведения, где готовили магов.

Для связи Меторий предложил использовать что-то наподобие таблетки. Шарик, величиной с леденец «Чупа-Чупс» — сладость, бывшую популярной во времена юности Глеба. Только в отличие от леденца была магическая таблетка-шарик наверняка металлической. Слишком твердой выглядела и прочной. Нечего и думать было, чтобы растворить ее, медленно рассасывая во рту. Более того, темный, будто испачканный в саже и, вдобавок, какой-то теплый наощупь — будто внутри топилась мини-печка — шарик-таблетка вообще казался несъедобным.

Однако, как назло, именно это и требовалось, дабы воспользоваться магическим устройством. Съесть его... вернее, проглотить. Можно зажмурившись, можно запив. Но в любом случае шарик-таблетка должен был оказаться внутри Глеба.

— Во-первых, средство связи должно подключиться... к вашей нервной системе, — словно оправдывая эту неприятную необходимость, пояснил Меторий Усердный, — а во-вторых, обычные амулеты... и другие устройства, не требующие помещения внутрь организма... их даже невежественные варвары легко обнаружат. Если не при обыске, то поймав на их использовании.

— А я не подавлюсь? — вопрошал Глеб, держа шарик-таблетку на ладони и все еще с опаской на нее поглядывая, — и... это... ну, если по нужде приспичит. Эта штука не выйдет?

— Выйдет, только когда получит соответствующую команду, — решил ответить

Меторий почему-то не по порядку, — а насчет того, чтобы подавиться... скажу, что вы нас недооцениваете. В Магистериуме проводились испытания этого устройства. В том числе с подбором оптимальной формы и размеров — так, чтобы не застряло.

Несмотря на все уверения, глотал магическую пилюлю Глеб не без содроганья. И даже закрыл глаза, как делал еще в детстве, когда приходилось принимать горькое лекарство. А следом даже не выпил — опрокинул в себя целую кружку воды. Затем на миг призадумался... и, подойдя к крану, налил себе еще кружку.

— Пейте-пейте, — добродушно отозвался Меторий Усердный, — сколько хотите. Жидкость ей не навредит... в теле ведь человеческом... да и не только, и без того... знаете, сколько жидкостей разных?

Вопреки собственным опаскам, никаких неудобств от попадания в организм магического шарика-таблетки Глеб не ощутил. Как и не почувствовал вообще ничего особенного. Разве что подумалось ему, что с помощью волшебного шарика в Тайной канцелярии намереваются не только держать связь, но и следить за отправленным в свободное плаванье чужаком. Чтобы не сбежал, например. Или не перешел на вражью сторону. Или не захотел забить на миссию и залечь на дно. Хоть Глеб и уверял Норенуса, что никакого побега у него и в мыслях нет, но маг, по-видимому, придерживался принципа «доверяй, но проверяй». Как и все работники невидимого фронта. В любой стране и во все времена.

И вместе с тем главе Тайной канцелярии следовало отдать должное. Из простого человеколюбия ли, или из соображений здравого смысла, но гнать Глеба немедленно на выполнение его миссии Норенус не стал. Уже теперь бывшему участнику боев на арене было дозволено остаток дня и, разумеется, ближайшую ночь отдохнуть. Отлежаться, утолить голод и лишь худо-бедно набравшись сил, отправиться на спасение Империи.

Когда же наступило утро, Глеб в смешанных чувствах понял, что имелось еще одно обстоятельство, заставившее Норенуса предоставить ему время для отдыха. Расчетливый глава Тайной канцелярии решил между делом испытать средство связи.

Состоялось это испытание в один из тех ранних и сладких часов, когда сон уже не крепок — мозг вроде бы готов пробудиться, но телу по-прежнему не хочется покидать постель. И даже шевелиться.

Вот тогда-то Глеб не услышал — скорее, почувствовал... нет, принял непосредственно в мозг поступившую команду: «Вставайте! Вставайте, Глеб! Пора!»

В отличие, например, от армейской команды «Подъем!», звучавшей громогласно и до отвращения грубо, прямолинейно, голос, велевший Глебу пробудиться, воспринимался его сознанием как тихий, мягкий и вкрадчивый. Ассоциации вызывавший не с командой, скорее, но с детскими воспоминаниями. Когда мать будила маленького Глеба то ли в школу, то ли даже в детский садик. Тому, до конца не пришедшему в сознание, едва не захотелось захныкать, умоляя: «Ну, еще минуточку!»

И все же приказ этот, настигший Глеба на границе сна и яви, не перестал оттого быть приказом. И при всей своей кажущейся мягкости в покое сонного бойца не оставлял. Повторялся раз за разом.

«А, похоже... штука та круглая — работает», — не без удовлетворения заключил Глеб, окончательно пробудившись и приподнявшись с кровати.

За подъемом последовал визит в душевую камеру. Понимая, что снова помыться, как следует, он сможет не скоро, Глеб наслаждался душем как в последний раз. Не меньше

получаса простоял... пока голос в голове снова не начал допекать. Хватит, мол! И без того-де чистый.

А потом, когда уже одевшийся Глеб сидел за завтраком в столовой для бойцов арены, мысли его приняли неожиданный и нежелательный оборот. Подозрения нежданно-негаданно возникли. Такие, что, мягко говоря, не способствовали доверию к новым работодателям.

«Этот Норенус... или кого он там припахал — они с помощью волшебного шарика еще и могут видеть меня... за мной следить! Получается, подглядывали, гады, когда я под душем стоял. А если еще выяснится, что Норенус не женат... и вообще у магов жен не бывает... по известным причинам... о-хо-хо, тогда с кем я связался!..»

За подозрениями вполне закономерно последовало отвращение. На миг Глебу даже захотелось отказаться и от миссии по устранению Разрушителя, и вообще от сотрудничества с Тайной канцелярией. Как и со всей магической кодлой.

Не столько успокоился, сколько образумился он тогда благодаря собственной памяти. Когда припомнил некоторые слова Норенуса — о неведомых Текнах, о пойманном шпионе и о гарантированно незавидной его судьбе. А припомнив, решил, что лучше иметь магов все-таки в союзниках, чем во врагах. В чем бы Глеб их ни подозревал, и как бы ни довели над ним собственные предрассудки.

«Да хрен, в конце концов, с ними, — пришла утешительная мысль, — пусть смотрят... поди, завидуют! Ха-ха... сами-то, небось, эти маги — из кого-то уже песок сыплется, а те, из кого не сыплется, тоже, поди, тяжелее волшебной палочки ничего не поднимали. Понятно, что бабам такие не нравятся!»

Мысль пришла и успокоила. Только вот Глеб не до конца уже был уверен — родилась ли она в его мозгу... или была подкинута в него посредством шарика-таблетки. Как яйцо кукушки в чужое гнездо.

Не успел Глеб покончить с завтраком, как в столовую заявился маг. Еще молодой. Но выглядевший медлительным и рыхлым — этот рыжеволосый взлохмаченный человек, успевший обзавестись двойным подбородком. И, вдобавок, заметным брюшком, выпиравшим из-под темно-синего, похожего на монашеское, одеяния.

По прикиду этому, собственно, Глеб и догадался о профессии рыжеволосого.

— Ну и долго вас еще ждать? — возмутился маг, с ходу опознав Глеба, сидевшего себе за столиком и безмятежно ковырявшегося в тарелке.

Голос у молодого волшебника оказался под стать внешности. Высоковатый какой-то, скулящий. Бабий, одним словом. И Глебу под впечатлением от этого голоса вновь подумалось нехорошее по поводу наклонностей магической братии.

Подозрения свои, впрочем, он удержал при себе. И вообще хранил гордое молчание, покуда рыжий маг то ли возмущался, то ли... жаловался:

— Мне велели вставать спозаранку, срочно приготовить виману и тащиться на ней сюда! В это гнусное место, где одни безволосые обезьяны своими ужимками потешают других обезьян, со всего города собирающихся. Велели отвезти вас... далеко отвезти: дай Свет, в течение дня управиться! И что? Я битый час сидел-ждал. А вы тут... преспокойно брюхо набиваете?!

В ответ Глеб лишь бросил на него снисходительный взгляд. Да многозначительно постучал по тарелке с остатками котлеты, раскрошившейся под вилок.

И лишь когда последняя крошка покинула тарелку и переместилась в рот Глебу, а следом отправился стакан теплого компота (чая в этих краях не знали), негодующий маг удостоился и словесного ответа:

— Ну, ты сам башкой своей магической как думаешь? Раз, как говоришь, «далеко везти», то как, перед дальней дорогой — и не подкрепиться? Уж о том не говоря, что я не развлекаться отправляюсь... не на днюху к корешу и не на пляже загорать да на девок любоваться. Мне, если не в курсе, предстоит миссия. Опасная для жизни. А быть героем на голодный желудок я не согласен!

На это рыжеволосый волшебник только плечами пожал. После чего они вдвоем с поднявшимся из-за стола Глебом покинули столовую.

А потом был полет на вимане — так в Империи называли лодку или небольшой кораблик без мачты и хотя бы одного паруса, зато под действием магии способный летать по воздуху. И служивший здесь основным, если не единственным воздушным транспортным средством.

Глеб, к слову сказать, давно мечтал полетать на вимане. С самой первой прогулки по столице. Когда увидел летающую лодку, прошедшую над улицей. И теперь, по воле обстоятельств осуществив эту мечту — не пожалел. Да, на открытой всем ветрам палубе находиться не очень-то приятно. Особенно с непривычки. Но на такой случай на вимане предусматривалась надстройка: что-то вроде небольшой комнаты... то есть, пардон, каюты. В нее-то и убрался вскоре Глеб, искренне сочувствуя рыжему магу. Ему-то, полетом управлявшему, покидать палубу было нельзя.

Но прежде чем спрятаться от ветра, Глеб успел полюбоваться на панораму столицы. Под лучами утреннего солнца да с высоты в сотни метров стольный имперский город

показался ему удивительно прекрасным. Расположенный среди горных утесов, с дворцами и зеленеющими парками на плато, с перекинутыми между утесами мостами изящной формы да с ажурными бортами; с тянущимися к небесам остроконечными башнями, сверкающий хрустальными или глянцевыми куполами исполинских сооружений вроде почти ставшего родным амфитеатра — он воскрешал в памяти образы из сказочных или фантастических фильмов. Даже мог показаться городом будущего благодаря другим виманам, лавировавшим между циклопических зданий.

В восхищении разглядывая столицу Империи с высоты птичьего полета, Глеб одновременно подумал о варварах. О тех грязных, диких, но вооруженных до зубов скотах, которые умеют лишь разрушать и грабить... ну и еще насиловать подвернувшихся девок. И чьи испачканные в крови и дерьме руки не дрогнут даже эту красоту обратить в прах. Если их не остановить, конечно.

В этом свете собственная предстоящая миссия казалась Глебу уже не досадной принудилкой, но делом по-настоящему нужным и важным. Делом, в положительном исходе которого вчерашний боец на арене оказался даже заинтересован лично. Причем заинтересован не в материальном смысле — о «плюшках», которые могут на него свалиться в награду за устранение Разрушителя, он почему-то не подумал. Нет, то был, скорее, моральный интерес. Что называется, для души. Даром, что прежде Глеб ничего подобного за собой вроде не замечал.

Хотя чему удивляться? Новая страна, новая жизнь. И Глеб тоже — новый. С иными, чем прежде, ценностями и приоритетами.

Миновав столицу, вимана пошла над то зелеными, то желтыми пятнами лугов и полей, темными — лесов, голубоватыми — озер, над петлявшими по земле полосками дорог.

Попадались на пути и городки какие-то, деревни, но небольшие. Любоваться в них было нечем, особенно с высоты. Так что зрелище это Глебу быстро наскучило, и он, вдобавок успевший подмерзнуть на ветру, предпочел убраться в каюту. Где не придумал ничего лучше, кроме как прикорнуть на жестковатом топчане.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все ж таки разбудили его рановато. Не грех было наверстать.

Когда Глеб снова поднялся, солнце успело миновать зенит. А закончилось их путешествие с рыжим магом приземлением виманы на небольшой площади посреди какого-то городка, также едва ли отличавшегося большими размерами. Во всяком случае, сойдя на землю и осмотревшись по сторонам, Глеб не заметил здесь даже тени столичного великолепия. Дома имели высоту в два-три этажа от силы — и это в центре города! Первые этажи обыкновенно были сложены из камней... почти не обтесанных, остальные из бревен, брусьев, досок.

Черепичные крыши соседствовали с соломенными... причем весьма близко соседствовали. Городишко явно испытывал недостаток свободного пространства и оттого застраивался плотно. Дома теснились, верхние этажи нависали над узкими улочками, кое-как петляющими меж зданий.

В воздухе стоял запах дыма из многочисленных печных труб, а еще характерный запах, знакомый любому, кто имел несчастье хоть раз воспользоваться общественным туалетом. Или заходить в подъезд дома, населенного, мягко говоря, не слишком сознательными жильцами.

Очевидно, цивилизация не добралась — не торопилась добраться до этой точки на

карте Империи. Тем не менее, именно в пределах Империи располагался сей убогий городишко. О том свидетельствовал хотя бы небольшой флаг с изображением неровного круга, символизировавшего, по-видимому, солнце. Висел флаг на метровом флагштоке, торчавшем над широким крыльцом массивного здания, в отличие от остальных городских построек целиком сработанного из серого камня.

К этому-то зданию и направился рыжеволосый всклокоченный маг, велел Глебу дожидаться его у виманы. Впрочем, едва пройдя десяток шагов, непутевый волшебник с досадою хлопнул себя по лбу. И вернувшись, протянул своему пассажиру пистолет.

— Велели передать... вам, — были при этом его слова.

И только Глеб остался было один, как напомнил о себе голос, звучавший в его голове благодаря волшебному шарикю.

— Главное, ничему не удивляйтесь, — снова не услышал, но скорее, почувствовал Глеб, — воины в конвое не предупреждены. Так что о вашей миссии ничего не знают. Все, что им известно — это новый маршрут, по которому им предстоит доставить группу арестантов, включая вас. И, соответственно, другой пункт назначения... до которого вы, впрочем, все равно не доедете. По понятным причинам. И... да спрячьте же вы куда-нибудь это... ну, оружие ваше! Хотя о его назначении тоже мало кто знает, но вещичка-то необычная. Хотя бы с виду. Могут и отобрать, если показывать, кому ни попадя.

Из здания с флагом рыжеволосый волшебник выскочил спустя несколько минут. Именно выскочил — с шустростью и суетливостью, не очень-то вязавшимися с его внешностью. При этом, как и следовало ожидать, маг споткнулся на крыльце и едва не упал. А потом не к вимане со стоявшим рядом Глебом почему-то отправился, а куда-то... не слишком близко. Прочь с площади и вдоль одной из узких улочек.

Вернулся волшебник полчаса спустя и в сопровождении двух воинов, экипированных по имперской форме. Пластинчатые доспехи, мечи в ножнах, шлемы без забрал. Примерно так же выглядели служилые люди, упаковавшие Глеба в день его прибытия в этот мир.

На единственного пассажира, прилетевшего в вимане с рыжеволосым магом, один из вояк глянул, если и с интересом, то с сугубо профессиональным. Оценивающе. Как дворник на груды мусора, например. Очевидно, в этом глухом городишке знать не знали о несравненном Рокки.

Что до его напарника, то лицо оно не выражало ничего, кроме обычного пренебрежения, свойственного каждому человеку, облаченному хотя бы мелкой, но властью.

— Этот что ли? — осведомился воин столь же пренебрежительным тоном, — повесили... Тьма их... на нашу голову.

— А ведь здоровый, гад, — посетовал другой вояка, — и почему не закован?

Вопрос был адресован рыжему магу. Который, видимо, по неопытности стерпел и грубый тон, и сам тот факт, что ему, столичному посланнику и представителю привилегированной касты, приходится давать отчет какому-то захолустному солдафону.

И все же за словом в карман он не полез.

— Заковывать — это для таких как вы работенка, — отвечал маг, — для простых. У нас же для этой цели заклинание особое имеется. Хоп — и даже отпетый головорез становится покорным как баран.

«За барана ответишь», — едва не вырвалось изо рта Глеба. Как и немного ранее — «Я тебе не этот» в ответ на реплику одного из воинов. Но не зря голос, переданный через шарик-таблетку, его предупредил. Не удивляться, значит? Ну, Глеб и не выказал ни тени

удивления, а уж тем более возмущения. Легенду следовало поддерживать. И коль нельзя иначе объяснить, почему некий арестант прибыл не в кандалах, то стоило подыграть словам рыжеволосого мага. То есть старательно делать вид, что ты и впрямь находишься под действием подчиняющих чар. Например...

— Как баран значит? В самом деле? — осведомился вояка, обратившись уже лично к Глебу.

Тот не сплеховал. И не то что не съездил по обрамленной шлемом морде, но, вдобавок, ответил смиренно-молчаливым кивком. Да еще улыбнулся — широко, с выражением беззаботного добродушия. Вышла улыбочка несколько глуповатой... что, впрочем, вполне даже устроило обоих конвоиров.

— Ну, тогда пойдём... бар-ран! — хмыкнул второй воин.

«Ничему не удивляться, не удивляться ни-че-му», — про себя повторял, сиюсь сохранить выдержку, Глеб.

Один из конвоиров пошел впереди, второй следовал за спиною Глеба, когда все трое двинулись по узкой полутемной улочке, вымощенной грубым булыжником. Глеб чувствовал, что любой из сопровождавшей его парочки был готов при первой необходимости достать из ножен меч и порубить вверенного им арестанта в капусту. Ну, в том случае, если подчиняющая волшба внезапно перестанет на одного арестанта действовать.

Идти пришлось недолго. Свернув на улицу попросторнее, вся процессия вскоре вышла к двухметровому забору, за которым обнаружился бревенчатый барак, пара сараев и просторный двор. Непривычно просторный по меркам этого городка.

Во дворе два воина отрабатывали навыки обращения с мечом. Один атаковал, второй — постарше — ловко отклонялся, да еще усмешкой награждал товарища.

Еще пятеро вояк седлали коней.

— Смотрите, кого нам Тайная канцелярия спланила, — окликнул их один из конвоиров Глеба.

— Ну-ну, — в ответ проворчал один, едва обернувшись, — мало нам забот. Мало того, что двигаться пришлось из-за них на день раньше, мало того, что через опасные места тащиться придется. Так они, вдобавок, нам какого-то быка еще навязали!

«Сам добыкуешься у меня», — мысленно пообещал воину Глеб, одновременно снова явив на лице улыбку довольного простофили.

— Что ж, карета подана, — обратился к Глебу другой воин.

И небрежным взмахом руки указал в направлении телеги с большой клеткой. Транспортного средства, на котором Глеб некогда совершил свое первое путешествие по землям Империи.

И на этот раз соседей-попутчиков у Глеба было двое. Что едва ли можно было назвать случайным совпадением. Скорее всего, на троих такая клетка и была рассчитана. Точнее, по ощущениям того же Глеба, даже втроем в клетке было тесновато. Так что тем более не имело смысла уплотнять ее содержимое до предела — до состояния «сельди в бочке». Жестоко, знаете ли! Да и уследить за большим количеством арестантов в случае какой-либо неприятности сложнее. Даже если распахать оных по нескольким телегам с клетками — все равно, воинов в конвое могло потребоваться тоже больше.

Брат же, наоборот, меньше пассажиров в телегу с клеткой было попросту... нерационально. В юности, еще не имевший «круака» и даже затрапезной «девятки», Глеб частенько пользовался общественным транспортом. В те-то годы, в одном из автобусов попалась ему на глаза шутливая надпись-лозунг: «Порожний рейс — убыток стране». Вот так же и здесь: у конвоиров, разумеется, имелось начальство. Считавшее провозку одного-двух арестантов под конвоем из пятерки воинов недопустимым расточительством. Тем самым, вышеназванным «убытком стране».

Один из нынешних попутчиков Глеба был небольшого роста, нескладный и с физиономией, которую нельзя было назвать иначе как «крысиной». Низкий лоб, маленькие бегающие глазки, кожа землистого цвета, тонкие губы и улыбка, похожая на брезгливую гримасу. Даже тому, кто незнаком с теорией Ломброзо или не принимает ее всерьез, не могло прийти в голову, что данный персонаж угодил за решетку безвинно.

Да, впрочем, он и не старался развеять это впечатление. Наоборот. Ибо с первых минут поездки занялся тем, что на родине Глеба в небезызвестных кругах прозывалось «тискать романы» (ударение на букву «о»).

Байки, которые сыпались из нескладного тонкогубого типчика как горох из рваного мешка, с частыми повторами и небольшими вариациями крутились вокруг двух-трех тем. Как и кого оному типчику довелось обмануть или обокрасть. Как он еще смог избежать кары, и ищеек обведя вокруг пальца, и оторвавшись от преследования. Ну и (а как иначе?) с кем из особ противоположного пола сподобился типчик познакомиться и насколько близко.

Определенно, обладателю «крысиной морды» было скучно. Да и самоутвердиться он наверняка был не прочь. А вот о золотом правиле — что все сказанное может быть использовано против сказавшего — как видно, не знал. А потому не особенно волновало этого говорливого арестанта, слушает его кто или нет.

Лично Глеб потерял интерес к его рассказам на первом же часе пути. Немного внимания обращал на них, как на и самого говоруна третий пассажир. Вернее, пассажирка — вроде молодая еще бабенка... но вот Глеб, например, если и счел бы ее привлекательной, то при условии, если ее хотя бы отмыть и придать изрядной копне волос мало-мальски приличную форму. А также деть куда-нибудь жуткое тряпье, служившее бабенке одеждой — одевать во что-то иное и подкрашивать косметикой, на его взгляд было уже излишеством.

Ну а пока, в нынешнем своем виде воспринималась бабенка Глебом примерно так же, как муха, плавающая в супе. Или зрелище не дождавшегося смыва унитаза в общественном туалете. Или переполненное мусорное ведро.

И она не упускала случая усугубить такое о себе впечатление. Запахом, например. Вернее, букетом из запахов пота, грязи и, кажется, даже гниения. Или недостатком

половины зубов, заметным всякий раз, когда бабенка открывала рот. Или руганью, этим ртом изрыгаемой. Или тем фактом, что по нужде арестантка без тени стеснения присаживалась прямо в клетке.

Душок в телеге стоял соответствующий. И, сто тысяч раз, увы, но сделать с этим ничего было нельзя. Физиология! У бабенки просто выхода другого не было.

В этом смысле Глебу и его попутчику было легче. Отливать оба наловчились за борт, через прутья клетки. За что получили только устное предупреждение одного из конвоиров: «Попадете в меня — оторву!»

Что именно обещал он оторвать, конвоир не уточнил, но обитателям клетки и сами понимали.

К чести сопровождавших арестантов вояк, выводы они сделали правильные. А может, просто сталкивались уже с проблемой. Так или иначе, но регулярно устраивать в дороге короткие остановки конвоирам ума хватило. Как и выпускать на время оных трех арестантов из клетки — для утоления «зова природы».

Понятно, что случались такие остановки нечасто. Причем непременно при свете дня. И всегда на открытой местности, где конникам не составило бы труда при необходимости настичь беглеца — пешего. И где оному беглецу было бы негде спрятаться. Так что каждая эта остановка неизменно бывала для пассажиров телеги с клеткой долгожданной. Пуще пятницы или отпуска у законопослушных работяг.

Остановливалась процессия и на ночь — конвоиры тоже нуждались во сне и вообще в отдыхе. Только вот клетку во время ночного привала, никто, разумеется, и не думал открывать.

Спешившись и подкормив лошадей, воины обыкновенно рассаживались вокруг костра. И, трапезничая сами да время от времени подбрасывая куски обитателям клетки, они предавались ленивой и ворчливой болтовне. Суть оной заключалась в том, что со службой бравым воякам не повезло — вовсе не такой каждый из них представлял себе пребывание в славном воинстве защитников Империи.

И дело было даже не в необходимости нянчиться с разными отбросами общества. Не только в ней, по крайней мере. Вдобавок кому-то жалованья не хватало, кто-то повышения устал ждать... ну а кому-то просто застили солнце собственные командиры на пару со столичным начальством. Уж очень легко принимали они решения, а еще с большей легкостью — меняли. Следуя принципу «что хочу, то и ворочу». И не задумывались о последствиях для них. Рядовых исполнителей, на которых, конечно же, держится все-все в этом мире.

Вот захотели — и сплывили на поруки дополнительного арестанта. Причем, судя по внушительному телосложению, наверняка какого-нибудь громилу и душегуба. Загреметь же за решетку за украденный из лавки пирожок или, скажем, за крамольные речи в людном месте человек с внешностью Глеба вряд ли бы мог.

Захотели — и в путь отправили раньше времени. Сократив воинам-конвоирам увольнительную с обещанных пяти до четырех дней. А терять время всегда обидно, если речь идет о времени отдыха.

И захотели, Тьма их побери, да недрогнувшей рукой изменили пункт назначения. На другую каторгу зачем-то послали — отличную от прежней только тем, что расположена она севернее. А значит ближе к имперским рубежам, охваченным пламенем войны. И невдомек-де штабным трутням да канцелярским крысам, что нарваться на варваров в этом случае

шансов гораздо больше.

Слушая эти разговоры краем уха, Глеб еще усмехнулся внутренне наивности последней мысли. Не касательно возможности встретиться с варварами — ее-то, встречу нежелательную, как раз нетрудно было предвидеть на основании хотя бы законов Мерфи. И даже не будучи в курсе затеи Тайной канцелярии. Глеб же был в курсе. А потому, в отличие от конвоиров был почти уверен: уж, по крайней мере, к Норенусу Зоркому и его подчиненным слово «невдомек» в данном случае было неприменимо.

В Тайной канцелярии не просто понимали, что на новом маршруте конвой с Глебом наверняка попадетсЯ варварам. На такое развитие событий там, собственно, и рассчитывали. Так что невдомек было как раз ворчливым воякам — насколько им на самом деле не повезло. Настолько, что маленькое жалование при грязной работе показалось бы на этом фоне завидной идиллией.

Правда же заключалась в том, что всех пятерых в столице заочно приговорили к смерти. Не больше и не меньше. Конвоиры должны были погибнуть, чтобы он, Глеб, на шаг приблизился к исполнению своей миссии. Такое вот, увы и ах, служение отечеству!

Собственно, время исполнения этого негласного приговора наступило к исходу первой недели. Очередным утром — телега с клеткой и сопровождавшие ее воины успели проехать после ночной остановки примерно часика два.

Сначала из кустов на обочине проселочной дороги выскочил навстречу процессии варвар. Один... и еще молодой: вместо бороды на его лице разве что щетина пробивалась. Вскрикнув будто кошка, которой наступили на хвост (видимо, боевой клич издал), он вскинул лук, другой рукой уже закладывая в него стрелу.

Видимо, стрелять молча да исподтишка ему не позволяли обычаи племени. А может, эта не слишком умная и безнадёжная атака преследовала свою цель — никого не убить, но остановить имперский отряд.

Скорее всего, второй вариант был ближе к истине. Потому что стрела, пущенная с расстояния от силы в десяток шагов, да с такой наглой открытостью, так никого и не поразила. Воин, ехавший впереди, без труда от нее защитился, успев заслониться щитом. Только вот к лучнику тому, незадачливому, почти сразу пожаловало подкрепление.

Из-за близстоящих к дороге валунов, деревьев и кустарника с двух сторон на пятерку воинов разом ринулась целая орава. Не менее двух десятков варваров бежали к конвою, ревя и потрясая мечами и топорами.

Спутники Глеба тихо выругались. Сам же он не только промолчал, но и ощутил толику удовлетворения — оттого, что замысел Норенуса начал воплощаться в жизнь.

Межу тем конвоиры, если и испугались, то не сильно. Скорее, опешили от неожиданности, причем ненадолго. Ибо в Империи даже те, кому выпадало сопровождать арестантов, не были трусоватыми полупьяными лодырями с замашками гопоты, способной лишь издеваться над теми, кто заведомо слабее и предпочитающей не лезть на рожон, если есть хотя бы призрачная для них опасность.

Нет, и эти вояки тоже были профессионалами. И потому даже при виде численно превосходящего противника надолго не терялись. Не забыли, прежде всего, что они конные. Против пеших неприятелей. И попытались выжать из этого факта как можно больше. Компенсируя вышеупомянутое превосходство в численности, имевшееся у противной стороны.

Пара коротких команд — и четверо из пяти конвоиров-конников выстроились в куцую,

но шеренгу. И, нахлестывая лошадей, обогнули телегу с клеткой, чтобы уже пару мгновений спустя на полном ходу влететь в одну из групп варваров.

Кто-то из гикающих дикарей угодил под копыта. Кого-то всадники на ходу смогли достать мечами. А еще многие бросились в стороны. Миг — и без того похожий, скорее, на толпу варварский отряд рассеялся. Вдобавок, заметно поредев.

А четверка конников, почти не пострадав, уже скакала от них прочь. Выходя на новый круг. Или, как вариант, готовилась атаковать тем же манером вторую из групп противника — ту, что выскочила с противоположной стороны.

Тем временем пятый из конвоиров тоже не терял времени даром. Он заметил единственного варвара, прибывшего на коне — вожака, по всей видимости. Варвар невнятно, но громко бранился, подгоняя здорового черного коня к месту битвы. Подстегнув своего скакуна, имперец устремился ему навстречу.

Оба всадника сблизились... варварский вожак обрушил было на противника огромный обоюдоострый топор. Однако тот тоже оказался не лыком шит: успел прикрыться щитом.

А уже миг спустя в руке имперского воина блеснуло лезвие меча — и устремилось в направлении варвара. Тому едва удалось спастись. Благодаря, во-первых, кольчуге, а во-вторых, отчаянному маневру. Всадник на черном коне уклонился, и удар имперца пришелся вскользь.

В общем, хоть и было варваров больше, хоть и напали они внезапно, но дела у них складывались весьма плачевно. Чему бабенка-арестантка, например, по какой-то непонятной причине радовалась. Вернее, злорадствовала по этому поводу. Аж вопила, прислонившись к прутьям клетки: «Давайте! Так их! Втопчите их в грязь!»

А вот Глеба ход битвы, напротив, тревожил. Нет, симпатии к шумным диким головорезам он, разумеется, не выказывал — особенно после фильма,смотренного в Хрустальном Оке Норенуса. Другое дело, что если варвары и дальше будут нести потери, из-за собственной тупости не способные причинить пятерке конвоиров хотя бы мало-мальски заметный ущерб, то вся затея главы Тайной канцелярии может пойти прахом. Ведь именно варварское воинство стояло между Глебом и Разрушителем Магии. А значит, нечего и думать, подобраться поближе к Разрушителю, прежде не оказавшись среди варваров — хотя бы в качестве пленника.

Ну и к тому же само зрелище битвы, поведение в ней противников Империи вызвало у Глеба разочарование. Выходило, что не такие уж эти пресловутые варвары и грозные. И тогда назревал закономерный вопрос: какого лешего Империя не может с ними сладить? Без магии, одной лишь силой оружия?

От созерцания перипетий схватки между всадниками-конвоирами и почти вполнину сократившейся варварской ватагой, Глеба отвлек голос, прозвучавший в голове: «А что это вы, собственно сидите? Сидите, смотрите — и ждете непонятно чего? Там за клеткой не арена. И вы не зритель, если не забыли».

— А что я могу сделать? — зачем-то вслух пробурчал на это Глеб. Не зная, способен ли его слышать тот, чьи слова передаются через шарик-пилюлю. И тем паче, не придавая значения тому, как соседи-попутчики по клетке воспримут товарища по несчастью, отчего-то заговорившего с самим собой.

Услышали ли его в Тайной канцелярии или нет, но голос не унимался. «Вам нужно попасть к варварам в плен! — вещал он, неумолимый, как военкомат, — а для этого варвары должны победить... в этой схватке».

Конкретный способ склонить в этом бою чашу весов на сторону варваров невидимка не подсказал. Глеб же не придумал ничего лучше, кроме как потянуться за пистолетом. Оружием, до сих пор успешно прятанным под рубашкой — и не изъятым конвоирами, не распознанным в пистолете предмет, способный отнимать жизнь действеннее меча или стрелы.

«Только не это! — воскликнул голос, что аж голова заболела, — варвары... они ведь сразу смекнут, что это оружие. Могут даже за магический предмет принять. А с магическим предметом им в доверие не втереться».

— Зато можно подтереться, — неуклюже сострил вновь пробурчавший вполголоса Глеб, — доверием-то... гы-гы. Отвергая предлагайте, короче.

Впрочем, он и сам понял, что стрельбу устраивать ни к чему. И не только из-за боязни «спалиться». Вдобавок, Глеб знал то, о чем в Тайной канцелярии могли и не догадываться: обойма пистолета не бесконечна, заменить ее здесь нечем. Пули же были необходимы для умерщвления Разрушителя. А коль так, следовало их поберечь.

Но что тогда? И голос невидимого собеседника, честь ему и хвала, все-таки сподобился подсказке.

«Нужно привлечь к себе внимание варваров, — услышал... нет, почувствовал в своей голове Глеб, — дать им знать, что ты на их стороне. Что готов сражаться. Пусть освободят тебя и дадут оружие».

Сказано — сделано. И едва получив инструкцию, Глеб заорал что было мочи, прикинув к прутьям клетки:

— Эй! Выпустите меня! Я пленник! Я ненавижу имперцев! Дайте мне оружие! Эй... ; хочу драться с имперскими тварями! Эй, там!..

— Придурок что ли?! — завопил крайне удивленный... нет, скорее, охреневший от этих возгласов арестант с крысиной физиономией, прежде хранивший невозмутимость, — это же варвары! Не врубаешься? Вар-ва-ры! Да если к ним в плен попасть... да любая наша тюрьма или каторга гостиницей для богатых купцов покажется... рядом с этим.

Но тщетно — Глеб продолжал кричать, еще и вцепившись в решетку обеими руками. Одна рука, впрочем, вскоре ему потребовалась. Правда, всего на мгновение. Когда сосед-попутчик, пытаясь его урезонить, ухватил было Глеба за плечо, пришлось его оттолкнуть.

— Выпустите! Я с вами! Эй! Эй! Э-э-эй!

И надо сказать, крики Глеба возымели действие. Имперцы как раз понесли первую серьезную потерю: одинокий лучник решил защитить вожака от атак одного из конвоиров и выстрелил... причем, выстрелил с завидной меткостью. Стрела угодила имперцу в лицо, не защищенное шлемом, и тот, кто мгновение назад был бравым и умелым воякой, повалился с седла на землю.

А всадник на черном коне, оставшись без противника, двинулся в сторону телеги с клеткой — явно привлеченный голосом Глеба. Достигнув телеги, варвар одним ударом топора срубил замок, запиравший клетку.

Глеб спрыгнул на землю... и к неудовольствию своему почувствовал, что ноги успели привыкнуть к неподвижности. Что держат недостаточно твердо и шевелятся с неохотой. Оставалось расшевелить конечности в процессе боя.

— Эй! А оружие? — окликнул освобожденный арестант варварского вожака.

Но тот уже развернул черного коня и гнал прочь. А обращаться к хвостатой конской заднице, право же, не имело смысла.

«Может, вам еще кресло сюда подать? — голос в голове прозвучал, как показалось Глебу, с ехидством, — да поднос с прохладительными напитками?»

— Прохладительные — баловство для девочек, — проворчал бывший боец на арене, а теперь еще и бывший арестант, — мне бы горячительного чего.

А сам одновременно уже озирался по сторонам — высматривая ближайший труп с валяющимся рядом мечом.

Добраться до меча Глебу удалось, опередив на какое-то мгновение одного из оставшихся имперских вояк. Присмотревшись, что один из пассажиров телеги с клеткой освободился, конвоир направил лошадь в его сторону. И едва не затоптал неожиданного союзника варваров копытами, не успей тот в последний миг откатиться в сторону, перевернувшись с боку на бок.

И что ценно, откатился-то Глеб, уже ухватив рукой меч. Затем последовал взмах этой руки — и ближайшая из лошадиных ног, оказавшихся не крепче конечностей автомата, была подрублена.

Истошно заржав от боли, подраненное животное сперва встало на дыбы. Тогда всаднику удалось удержаться в седле. Вот только в следующее мгновение лошадь повалилась вперед и все-таки сбросила седока.

Имперец, даром, что приземлившись неудачно, был еще жив, когда на него накинулись сразу три варвара. И в исступлении принялись рубить и протыкать мечами распростертое на земле тело.

Между тем, трое оставшихся конвоиров одновременно направились к вожаку варваров. Надеюсь, не иначе, что его гибель заставит недругов убраться восвояси.

Ближайшего из имперцев вожак встретил ударом топора. Удар вышел удачным — сильным, по крайней мере. Воин, встретивший его выставленным щитом, не смог оный щит удержать. Металлический прямоугольник с изображением солнца с глухим стуком упал на землю.

Но столь успешный удар оказался для варвара единственным, который он успевал нанести, сражаясь против трех противников сразу. Второй из этих противников ударил мечом — и предводитель варварской ватаги едва успел отклониться. Не то бы лишился головы, а так просто остался без рогатого шлема.

Меч третьего из всадников-имперцев целил в туловище варвара. Кольчуга предоохранила его от раны, и все же сила удара оказалась немалой. Все равно как дубиной врезали. Вожак завалился на бок, выпадая из седла. И от падения удержался лишь благодаря руке, уцепившейся за узду, да ноге, застрявшей в стремях.

Удержался — да так и повис вниз головой, немного не дотягиваясь до земли. Что и говорить: жалкое зрелище!

Черный конь бестолково переступал, оставшись без управления. Несколько варваров кинулись было на выручку вожаку, но один из всадников-имперцев направил своего скакуна им навстречу. Быть втоптаным в землю не хотелось даже этим диким и отчаянным рубакам, так что пришлось варварам броситься врассыпную.

Лучник сподобился еще одному выстрелу... но тщетно. Стрела отскочила, налетев на своевременно выставленный щит.

Тем временем мозг Глеба лихорадочно работал, оценивая противников так же, как если бы дело происходило на арене. «Итак, конный воин и передвигается быстрее пешего, и атакует сильнее, — думал Глеб, — вдобавок, у имперских воинов есть щиты и доспехи. То есть, защищены они тоже лучше. Тогда в чем же их слабое место? Ах, да! У них... нет земли под ногами!»

Как использовать данное обстоятельство соображал Глеб недолго. А как сообразил —

улучил момент, когда распугавший варваров всадник замедлил ход. И, подскочив к нему из-за спины, ухватил за плащ. Крепко ухватил, обеими руками.

Конник-имперец резко развернулся. Не то надеялся сбросить Глеба, не то достать, рубануть его мечом.

Второе не удалось точно: державшегося за плащ, буквально повисшего на нем Глеба при развороте утянуло в сторону. Отчего он так и остался вне зоны досягаемости клинка имперца.

Трудно дотянуться! Все равно как почесать рукой спину.

Ну а сбросить Глеба конвоир смог бы, если б главным для взбунтовавшегося арестанта было удержаться на ногах. И кабы Глеб, от страха ли, иль просто из-за слабости разжал хватку, затея его противника могла сработать.

Но, увы! Для имперца — увы. Глеб вцепился в плащ мертвой хваткой. Так что бедолага всадник, по сути, навредил сам себе. Увлекаемый весом Глеба, а затем и центробежной силой от нового разворота (столь же безуспешного), он не смог удержаться в седле.

Да, Глебу при этом тоже пришлось несладко: на ногах он не устоял, рухнул на колени. Да так, что даже от боли зашипел. Но оно того стоило. Диспозиция у имперского воина сделалась такова, что хватило единственного рывка — и всадник стал пехотинцем. Свалился на землю, да вдобавок уронил щит.

Зато меч — удержал. Да и приземлился грамотно: не расшибся, остался в сознании. Так что Глеба, рассчитывавшего на легкую победу, ждало здесь разочарование.

Едва он подошел к поверженному противнику, чтобы добить, как почти сразу пришлось отскочить, сдав назад: взмах меча имперца, даже выполненный из положения лежа, оказался стремительным и мог быть опасен. Без ноги, например, Глеба оставить.

Да, реакция не подвела. И беды этой до поры Глебу удалось избежать. Вот только прыжок спиной вперед, по большому счету вслепую, и сам по себе был чреват. Особенно на неровной местности. И вновь оправдался закон Мерфи: «Если что-то плохое может случиться, это случается». Глеб оступился и опрокинулся, сумев сгруппироваться лишь в последний момент. И только потому не сел на землю, шлепнувшись на свою тыльную часть, а удержался на корточках.

Мгновение спустя Глеб снова был на ногах... но и противник его — тоже. И оказался вполне боеспособен: сразу ринулся в атаку. Глеб едва успел парировать удар его меча.

«Он в доспехах, я нет, — пронеслось в голове Глеба, — он защищен лучше. Зато я... теперь, когда он тоже пеший — я подвижнее!»

Следом ему еще вспомнился девиз боксера, не раз пригождавшийся в боях на арене: «порхай как бабочка, жаль как пчела». Что ж, меч вполне годился на роль жала. Оставалось определиться, куда именно вернее всего жалить. И над этим вопросом Глеб тоже думал недолго. Правильный ответ был: лицо, не прикрытое шлемом и ноги, не защищенные панцирем. Еще можно было попытаться лишить имперского вояку меча... вместе с державшей оный рукой. Но это было слишком хорошо.

Удар, другой... мечи сталкивались со звоном.

— Что вообще на тебя нашло? — имперец, видимо, сообразил, что с арестантом-бунтовщиком можно не только драться, но и разговаривать, — кормили плохо? Так у варваров еще хуже будет. Они ж нас... подданных Империи, за людей не считают. Или ты сам из них? То-то, смотрю, здоровяк...

— Завали хлебало, ментяра позорный, — как-то вальяжно, не соответствующе

обстановке, ответил Глеб словами из прежней жизни. Словами, в Империи Света незнакомыми... что пришлось весьма кстати. Конвоир растерялся перед чередой новых для себя слов. Не то заклинанием магическим посчитал, не то принял за фразу из варварского языка, если таковой существовал.

Нет, растерялся имперец едва заметно — все-таки профессионал есть профессионал. Но хватило и этого: скорость атаки чуточку замедлилась, немножко ослабили защитные рефлексы. Благодаря чему Глеб успел пригнуться — клинок противника просвистел у него над головой вместо того чтобы эту самую голову срубить.

Почти одновременно собственный меч Глеба, избавленный от необходимости отбивать атаку... полоснул по ногам имперца. Да, попятиться тот успел. И потому вместо серьезной раны или даже потери конечности отделался глубокой, но царапиной.

Но даже царапина эта сыграла на стороне Глеба. Движения его противника еще больше замедлились. Вдобавок, будучи источником хоть и не слишком сильной, но боли, царапина отвлекала на себя внимание. Мешала сосредоточиться на битве. И это почти сразу принесло плоды.

Очередной выпад имперца Глеб отбил без труда. Да вдобавок успел податься в сторону и нанести удар сбоку. Пришелся оный по левой руке вояки — в отсутствие щита в битве оказавшейся не задействованной.

Хуже (для имперца) было то, что чисто инстинктивно и по привычке он выставил эту руку навстречу клинку. Так, как будто держал ею щит. Но коль щита все-таки не было, уже мгновение спустя за этим нелепым жестом последовал возглас боли: клинок Глеба почти отсек незадачливому вояке кисть.

Конечно, конвоир давно не был ребенком, от боли способным расплакаться и убежать. Он был готов драться до конца. Но готовность эта была, скорее, моральной. Потому что проку от нее уже не было: нападать имперец более был не в силах. Все, что смог — встретить клинком новую атаку Глеба. А вот следующий выпад арестанта-бунтовщика отбить уже не сумел.

Меч Глеба угодил имперцу аккурат в лицо... точнее даже в один из глаз. После чего, понятное дело, конвоир не мог не то что продолжать сражаться, но и даже дышать.

Рывком вынимая меч из головы уже умерщвленного противника, Глеб огляделся. Увиденное его можно сказать порадовало: битва закончилась и для остальных ее участников. Почти закончилась.

Из пары десятков варваров в живых осталось не больше десятка... но и этого хватило, чтобы скопом разделаться с одним из оставшихся имперцев. Тот уже валялся на земле: не иначе, варвары последовали примеру Глеба и смогли для начала стащить всадника с лошади.

Его товарищ еще бился с варварским вожаком, успевшим к тому времени вернуться в седло. И надо заметить, противником всадник на черном коне оказался опасным — по крайней мере, один на один. Имперец отбивал его атаки с все большим трудом, об ответных ударах уж даже не помышляя.

Вмешиваться в этот поединок варвары не пытались — не принято у них, как видно, было. Но они громкими возгласами и хлопками словно подбадривали своего предводителя.

Глебу при этом еще вспомнилось поведение зрителей во время схваток на арене. Видимо даже у таких непримиримых врагов как варвары и Империя Света было хотя бы что-то общее.

Вот под ударом топора всадника-варвара имперец не сумел удержать в руке меч.

Клинок блеснул, падая на землю... и не успел он ее коснуться, как следом полетела уже и срубленная голова последнего из конвоиров.

Варвар на черном коне торжествующе взревел, потрясая топором над головой. А соратники его дружно обернулись теперь уже в сторону Глеба. Дружно? Ни малейшего дружелюбия в их взглядах и выражениях небритых лиц взбунтовавшийся арестант не заметил.

— Ты! — рявкнул вожак варваров, взмахом простирая в направлении Глеба топор, как гаишник свою полосатую палку, — бросай меч, пока я добрый. Он тебе не принадлежит!

Говорил он на том же языке, что и подданные Империи Света. Правда, с едва уловимым акцентом.

— Бросай, — присоединился к требованию предводителя один из варваров, — не то отправишься... вслед за ними.

Уточнять, за кем, он счел излишним.

— Ни хрена себе! — воскликнул Глеб, немало обескураженный таким проявлением благодарности, — я вообще-то бился... на вашей стороне.

— Я помню, — процедил всадник на черном коне, — и именно поэтому ты еще жив. Ты, имперская козьявка... оказавшаяся на моем пути с оружием в руках.

Изначально это сооружение возводилось как замок для местного владетеля. Каковых затем, наверное, успело смениться немало. Когда же до этих земель добралась-таки Империя Света, замок был превращен в крепость для ее доблестных ратей. В этом-то качестве она и встретила уже нашествие варваров.

Взяли крепость варвары без долгой осады, без таранов, катапульт и лестниц. И почти без усилий. Вернее, основное бремя взятия имперской твердыни взяли на себя три человека. Варварами, кстати, не являющиеся.

Первым из этих троих был Илья Криницкий. Чужак, бывший пленник, бывший невольник, чье имя теперь уже не имело значения. Именовали его, что среди варваров, что промеж их противников не иначе как Разрушителем Магии. Причем заслуженно.

Наверняка о Разрушителе успели прослышать и в этой крепости. А значит, могли бы сделать разумный вывод: что проку от волшбы теперь не больше, чем от бумажного зонтика под тропическим ливнем. Однако военные есть военные — привычный образ действий для них успеваешь превратиться в свод непреложных правил. Отступить от которых значило рушить саму основу воинской дисциплины.

Так и здесь: в гарнизоне крепости предпочли впустую тратить силы служивых «чароплетов» и не отказались от выставления магической защиты, предусмотренной уставом. О том же, что оную защиту способен вывести из игры единственный брошенный камень — рукой легендарного Разрушителя брошенный — командиры и начальники гарнизона, если и понимали, то все равно не придали тому значения.

Сказалась ли здесь инерция поведения, гордо именуемая дисциплиной... а, может, не обошлось без извечного «авось», уповать на которое на самом деле склонны разные люди, независимо от национальных корней. И, как видно, в любом мире. Но факт оставался фактом: магическая защита над крепостью была поставлена — и растаяла как дым, стоило Илье-Разрушителю бросить камень в направлении мерцающей в ночной темноте дымки.

Дежурный маг, коему в эту ночь выпало поддерживать защиту, конечно же, заметил, что его волшба больше не действует. И уже собирался тревогу поднять по этому поводу — неладное почуяв. Успел даже выйти во двор крепости... но там его достал второй человек, участвовавший в захвате.

Человека звали Верем, а замечателен он был своими умениями вора, взломщика и просто ловкого парня, умеющего прятаться и которого очень трудно найти. Хотя разок в тюрьму Верему все же довелось угодить — причем в родных Темных Землях. Видно, сей шустрый и беспринципный малый оказался слишком «хорош» даже для этой, далеко не идиллической, части мира.

Но на этот раз от Верема не потребовалось ничего красть. Миссия же его той ночью... вернее, первая часть миссии заключалась в том, чтобы перерезать дежурному магу горло. Лишенный возможности прибегать к своим чарам, волшебник в бойцы не годился. С ним бы и деревенский увалень сладил, не то, что преступник, выросший в Темных Землях.

Преодолеть крепостную стену и попасть во двор Верему помог третий из участников штурма. Колдунья (и по совместительству его возлюбленная) Вуламара. Точнее, одно из ее заклинаний.

Вора словно подняло в воздух сильным ветром... или невидимой рукой. А затем эта

невидимая рука бережно так опустила Верема на крепостную стену. С нее он спустился уже по лестнице. И, бесшумно скользя через темноту ночного двора, добрался до искомого дежурного мага.

Найти оного, кстати, большого труда не составило. Чему немало поспособствовала опять-таки Вуламара, почти сразу после уничтожения магической защиты пославшая в крепость Наблюдателя. Летающее существо с единственным, зато весьма зорким глазом. Этим-то глазом колдунья смогла различить среди построек крепостного двора одинокую бегущую фигурку. Кроме как дежурному магу бегать было по крепости посреди ночи некому — именно бегать, а не стоять на посту или делать обход. Да и облачен бегун был не в доспехи, а в мантию. А мантию носить, не обременяя себя воинской амуницией, только магам в имперском войске и дозволялось.

На стену, кстати, Вуламара переместила Верема не абы с какой стороны, но так, чтобы вор оказался поближе к дежурному волшебнику. После чего направилась на крепостную стену сама. Где, не опасаясь ни отпора со стороны магов, ни, тем паче, обычного оружия, атаковала дозорных. Заклинанием «огненные пальцы», превращавшим кисть руки в источник сразу пяти сжигающих лучей. Причем, что ценно, на глаз малозаметных. Даже в темноте.

А Верем между тем, покончив с магом и более не таясь от патрулей и караулов (последним стараньями Вуламары стало не до него), подобрался к крепостным воротам. Дабы открыть их перед подоспевшей варварской ратью.

«Чистая работа!» — мог бы сказать кто непосвященный. Однако Илья, Вуламара и Верем знали правду... до которой, впрочем, не составило бы труда догадаться любому, кто способен не только восхищаться, но и задумываться. Заклучалась она в том, что столь ловко и изящно проведенная операция могла бы завершиться не столь успешно... без толики удачи.

Обеспечивать удачу участникам ночной атаки вменялось четвертому члену команды. Девушке по имени Кира. Этой, последней, лезть в бой, во-первых, было ни к чему. А, во-вторых, смертельно опасно. Ведь приманивая удачу к другим людям, сама Кира везучестью похвастаться не могла. Да настолько, что и споткнуться на ровном месте была способна, и провалиться в яму, которую другие люди замечали и обходили.

В силу таких вот особенностей ее дара все участие Киры в штурме крепости заключалось в том, чтобы присутствовать в нужное время в нужном месте. Точнее в двух местах. Сперва рядом с Ильей, Вуламарой и Веремом — близ крепостной стены. Затем у открываемых Веремом ворот, в компании с готовыми войти в крепость варварами.

Итак, проникло варварское войско в имперскую твердыню без шума, пыли и лишних жертв. Но вот затем... затем варвары разбрелись: кто уколошить спящих воинов гарнизона, а кто просто пограбить, поискать трофеев. Ведь именно возможность разжиться материальными ценностями привлекла многих из них на тропу этой войны.

И, кстати говоря, не все защитники крепости оказались в ту ночь беззащитными жертвами. В отличие от Верема ходить тихо варвары решительно не умели. И этой толпы, целой толпы шумных чужаков, разгуливавших по двору, оказалось более чем достаточно, чтобы кое-кого из имперских воинов разбудить. А некоторым даже хватило времени взяться за оружие.

Оттого-то ночной штурм очень скоро обернулся множеством мелких схваток и стычек, горохом рассыпавшихся по крепостному двору и разного рода постройкам, помещениям. Затем, как дождевые капли сливаются в лужу, так и эти схватки переросли в один большой

грабеж на пару с погромом. Под конец, как и следовало ожидать, кто-то что-то сподобился поджечь. И, конечно же, разрастающийся пожар никто не торопился тушить.

Надо ли говорить, что к утру взятая варварами крепость являла собой зрелище донельзя тоскливое. Деревянные постройки обратились в пепел или горелые остовы. Постройки каменные стояли, почерневшие от копоти, а изнутри превратились в сущее царство первородного хаоса. И оттого были совершенно не пригодны для проживания. Да что там «для проживания» — даже арсеналы уцелели не полностью.

В общем, после столь бурной ночи перед варварами встала дилемма: бросить руины, в которые они обратили имперскую твердыню, полученную ими чуть ли не на блюдечке с голубой каемочкой, или попытаться привести ее в порядок. А затем использовать крепость в собственных целях.

Илья, хоть и звался Разрушителем, сумел настоять на втором варианте. Вождь варваров Вольгрон Сотня Шрамов скрепя сердце согласился — и теперь к крепости со всех окрестных и охваченных войной земель сгоняли пленников. В качестве подневольной рабочей силы.

На целые дни пространство внутри крепостной стены наполнили звуки стройки. Стук топоров, молотков; скрежет пил. Ну и, конечно же, обмен грубыми «любезностями», неизменно сопровождавший обсуждение двух расхожих тем. Кому что делать и кому чего делать не стоило.

Под эти-то звуки в цитадели... вернее, в одном из ее помещений, более-менее уже отремонтированном, проходило очередное совещание. С участием Вольгрона, из вождя заурядного клана успевшего превратиться в предводителя вторжения, еще нескольких клановых вождей, а также Ильи и Вуламары.

С колдуньей разговор у Сотни Шрамов начался с претензии.

— Твои ходячие мертвяки, — говорил он, склонившись над столом с картой, — я очень рассчитывал на них в той битве... пару дней назад.

— Сожалею, — вежливо, но с холодом в голосе ответила колдунья, — но мои силы не беспредельны. Копилка, которую я принесла из Темных Земель, почти пуста.

— А пополнить? — будучи варваром, но не дураком, не то спросил, не то подсказал Вольгрон.

— Ну... если ты покажешь, где здесь ближайший Колодец Силы, — не без иронии отвечала Вуламара, — тогда да. Пополнить копилку труда не составит.

Вождь насупился. Он и слыхом-то не слыхал ни про какие Колодцы Силы. Этого явления, присущего, похоже, исключительно Темным Землям.

— А без этих... Колодцев никак нельзя? — угрюмо поинтересовался он.

— Вообще... — Вуламара почти театрально закатила глаза, изображая задумчивость, а затем столь же наигранно хлопнула себя по лбу, — ну конечно! Есть другой способ. Жертвоприношение! Если убить человека... причем так, чтобы он побольше при этом страдал, его чувства... боль, страх и гнев я бы могла использовать для пополнения запасов силы. Хотя, конечно, народу для этого может потребоваться многовато.

— Убить? — вопрошал Сотня Шрамов, нахмурившись еще больше, — мы убиваем только в бою. Оружие против оружия.

— Слишком быстро и безболезненно, — отрезала колдунья, — силы от такого убийства получаются крохи. Да мне и не смочь их ухватить. По полю боя, что ли бегать?

А затем еще добавила с заметной язвинкой:

— Кстати, считал ли ты, великий вождь, сколько народу в этой крепости твои люди

зарубили в постели... например? Или просто безоружными. Про этих точно не скажешь, что они погибли в бою.

— А что ж ты в ту ночь-то молчала?! — Вольгрон аж взревел от досады и недовольства. Вуламара пожала плечами.

— А ты бы меня послушал... тогда? — были ее слова, — или хоть кто-нибудь из... ваших — послушал бы? Я думаю, ты знаешь ответ. Всем вам было тогда не до меня. А теперь, когда пыль улеглась, и головы наши поостыли, можно и поговорить... порешать что-нибудь. Прийти к разумному решению... пускай и не вполне соответствующему вашим обычаям.

Затем, после паузы длиною в мгновение, колдунья добавила:

— Не думаю, что невольников и прочих пленников стоит жалеть. В конце концов, всегда можно захватить новых. Народу в Империи Света много. И много на что его хватит.

Состоялся этот разговор около месяца назад. И, похоже, Вуламаре удалось-таки убедить Вольгрона в собственной правоте. Во всяком случае, невольники к тому времени успели более или менее привести разгромленную крепость в порядок. Однако потребность в пленниках почему-то не иссякала. Охотники вроде команды того всадника на черном коне все так же рыскали по дорогам и уцелевшим еще деревням. И продолжали сгонять попавшихся им людей к крепости, что успела превратиться в главный оплот варварского вторжения.

Если не для работ по восстановлению крепости... то для чего тогда?

Узнать ответ на этот вопрос Глебу вскорости предстояло самому. И, разумеется, примерить на собственной шкуре. Иных вариантов не было: Глеб оказался единственным трофеем, захваченным в той вылазке командой Тулькана Черного Всадника. Вернее, единственным трофеем, не считая лошадей. Притом, что потерял Тулькан более половины отряженных с ним бойцов.

Что до соседей-попутчиков Глеба, то эти двое под шумок успели сбежать. Глеб еще опасался, как бы они не прихватили пистолет, который он перед тем, как вмешаться в битву, спрятал под соломой в телеге.

Впрочем, хотя бы здесь повезло. Благо, на драгоценность пистолет и близко не походил, оценить же истинную его полезность парочке арестантов банально не хватило ума. Так что заветное оружие Глеб обнаружил ровно там, где и оставил. Но не избежал вопроса на его счет со стороны Черного Всадника.

«Скажите, что это оберег, — тут как тут оказался магический голос, не слышимый никому, кроме Глеба, — именно оберег, а не амулет, скажем, или талисман. К магическим предметам у варваров не просто предубеждение, но просто-таки физиологическая ненависть. Но вот носить на себе всякие побрякушки для удачи... вещи убитых врагов, например... или части тел — это у них почему-то в порядке вещей».

Так Глеб Тулькану и ответил. Да еще присовокупил историю, что передается эта вещица в их роду от отца к сыну, а вырезана она-де по легенде аж из драконьей кости. В ответ на услышанное Черный Всадник хмыкнул — не то скептически, не то потешался над сентиментальностью и легковерностью пленника. Но больше с вопросами по этому поводу не лез.

О том же, что отправят Глеба не абы куда, но в злополучную крепость, пленник узнал пару дней спустя. После того как уже не на телеге с клеткой приехал — прошагал на своих двоих под конвоем из поредевшей группы Тулькана. Привели Глеба к стоянке целого клана: скопищу из сотен шатров и палаток.

Не будучи в курсе происходящего в крепости, подвоха Глеб не почуял и даже обрадовался. Когда еще услышал краем уха, как один из варваров обозвал крепость «твердыней Разрушителя». То есть, задумка Норенуса воплощалась как по маслу — очень скоро посланец главы Тайной канцелярии должен был оказаться близко, очень близко к треклятому покровителю и вдохновителю всего, происходящего в Империи, беспредела.

Но не зря Норенус был прозван Зорким. И его «миньоны» из Тайной канцелярии ели свой хлеб тоже не просто так.

Да, следить за «твердыней Разрушителя» было затруднительно — с помощью магии-то!

Отчего наглядных свидетельств жертвоприношений, которые могли там происходить, у Норенуса и компании не было. И все же сложить дважды два ума им хватило. Проанализированные факты наводили на соответствующие выводы. Судьбу пленников, которых все захватывали и захватывали, превышая всякие потребности в подневольном труде, объяснить можно было всего двумя способами. Либо каннибализмом, коего варвары если и гнушались, то не поголовно. Либо ритуальными убийствами. Массовыми, причем.

Надо ли говорить, что ни один из этих вариантов не сулил Глебу ничего хорошего. Так что голос, прозвучавший в его голове уже по прибытии в варварское становище, поспешил с предупреждениями.

«В общем, попасть в ту крепость вам, конечно, нужно, — подытожил голос, сперва доложившись об опасениях по поводу незавидной участи захваченных варварами пленников, — но только не в качестве невольника».

— Легче сказать, чем сделать, — тихонько, чтоб его не слышали окружающие, проворчал Глеб, уже убедившийся, что благодаря волшебному шарикуневидимый собеседник способен услышать его, а не только говорить сам, — когда я в битву влез... по вашей подсказке, кстати — я ведь и думал, что своим у них стану. А вон как получилось!

Получилось, собственно, как уже и было сказано: для Тулькана Черного Всадника, его незадачливой ватаги и всего их клана Глеб оказался не добровольным и пришедшимся весьма кстати союзником, но просто очередным пленником. Единственным пленником, доставшимся этой команде. Так что ни сам Черный Всадник, ни его подельники добровольно отказываться хотя бы от такого трофея не собирались. Ведь всегда лучше добыть что-то, чем хрен с маслом.

Но, как не преминул обнадежить Глеба волшебный голос, даже такое его положение не было безнадежным. В простых как лапоть обычаях варваров на сей счет имелась лазейка. Пленник, он же невольник, мог вызвать кого-нибудь из воинов клана на поединок. И в случае победы обретал свободу... а также право к оному клану присоединиться. В качестве уже не мальчика на побегушках или жертвы на закланье, но полноценного воина.

— Поединок, значит, — прошептал Глеб, и в голосе его помимо воли появились нотки мстительного злорадства, — что ж, это вы по адресу. И да... я уже даже знаю, кого лучше вызвать.

Речь, разумеется, шла о Тулькане Черном Коне.

— Обосновать будет — как два пальца... — в предвкушении бормотал Глеб, — я за него сражался... я ему жизнь спас, можно сказать. А этот... эта чертила неблагодарная меня — в невольники!

Так, накручивая себя, пленник немного забылся. Отчего последние слова произнес уже на полтона выше, чем следовало. Немногочисленные соседи Глеба по невольничьему загону лишь опасливо покосились в его сторону — догадываясь, что связываться с этим человеком выйдет себе дороже. Но на бормотание нового невольника на сей раз обратил внимание и варвар, стерегший загон.

— Что пробурчал-то? — окликнул воин Глеба, — больной... не в себе что ли — сам с собой разговариваешь?

— За базаром следи, шестерка, — процедил сквозь зубы пленник, подходя вплотную к колям загона и уставившись варвару в лицо, — лучше метнись и Тулькана сюда приведи. Ну, того козла, который еще на черного коня часто залазит... любовь у них, по ходу. Перетереть, в общем, хочу с ним кое-чего.

— «Хочу», — с выражением подчеркнутой презрительности передразнил варвар, подкрепив затем такое свое отношение к словам Глеба смачным плевком на землю, — а я вот хочу, чтобы жратва сегодняшняя дерьмом не воняла. А еще хочу, чтобы... вот ты, например, в красивую бабу превратился. Как думаешь, что раньше случится?

— Да мне по хрену, — за этими словами пленника последовал и ответный плевок, — я одно знаю: чтобы не чалиться, нужно одному из ваших бросить вызов и победить. Скажешь, нет?

На последний, сугубо риторический, вопрос варвар не нашел, что ответить... словами. Но его взгляд — слегка удивленный, а чуточку даже пристыженный, оказался в этом смысле не менее выразительным.

— Так вот, — продолжал Глеб, — вызвать я хочу этого черта Тулькана. Есть за что, если ты не просек. Но раз до Тулькана не дозваться... что ж, я думаю, ты тоже для вызова сойдешь. А че — вон с бабой меня сравнил? Сравни-и-ил. Так что ответить придется.

На последних словах пленник еще сомкнул руки в замок и хрустнул костяшками.

Варвар растерялся. Не иначе, он уже был наслышан о взбунтовавшемся арестанте имперцев и о том, каким солидным, даром, что неожиданным подспорьем тот оказался для группы Черного Всадника. Такой человек точно не был безобидным землепашцем или трусливым торгашом. Умелый, опытный боец — против такого выходить было чревато. Тем более, если сам ты воин молодой, не слишком умелый... и именно поэтому поставленный лишь стеречь беззащитных пленников. Не самая почетная миссия для воителя-варвара.

С другой стороны, оставлять какой ни на есть пост не годилось — по головке не поглядят. Даже если в его отсутствие обитатели загона не разбегутся. А уж как не хотелось варвару-стражу связываться с Тульканом! Тот хоть и неудачником оказался в роли ловца, но как боец один из сильнейших в клане.

Дилемма... разрешить которую помог мимо пробежавший сородич. Совсем еще подросток, тощий и даже щуплый какой-то. Не воин точно... пока еще. Вряд ли он хотя бы в силах был меч поднять. А значит, в клане варварском его статус был не намного выше, чем у невольника.

— Эй, малый! — окликнул варвар-страж подростка, — сгоняй-ка и позови сюда Тулькана Черного Всадника. Понял?

— Чего? — не понял тот... а может, понял, но струхнул, услышав имя, а трусость свою попытался замаскировать наглостью, — позвать? А с чего это?

— Вали... зови уже! — рявкнул из загона Глеб и хищно усмехнулся, — мне-то все равно, кому башку сносить. А ты, малой, только жить начинаешь.

— Тулькан! Падла ты неблагодарная! — вещал Глеб, обращаясь не столько к Черному Всаднику, сколько к его сородичам, столпившимся вокруг места, отведенного для поединка, — я дрался за тебя! Мы вместе проливали кровь имперских ублюдков. Я сражался, когда ты едва не свалился с коня... когда висел вниз головой! Без меня ты бы уже кормил ворон, Тулькан! И чем ты отплатил мне за все это? Ты приказал мне бросить меч. Хотя знал, что бросивший оружие не достоин зваться мужчиной! И ты привел меня сюда, как бесправного пленника... это по твоей милости меня держали в загоне, будто скотину! Только кровью можно смыть оскорбления, которые ты нанес мне, Тулькан! И я бросаю вызов тебе, Тулькан... хочу, чтобы кровь сегодня пролилась!

Формулу вызова на поединок, принятую у варваров, Глебу, разумеется, подсказывал магический голос.

— Готов ли ты умереть сегодня, как подобает мужчине и воину? — дошел он, наконец, до этой, ключевой фразы, венчающей вызов.

— Готов, — Тулькан холодно усмехнулся, — вы все здесь меня знаете — я всегда готов к смерти в бою. Только сейчас я уверен: умереть придется не мне. Будь ты, имперская шавка, вполнину так же хорош, как рассказываешь — ни к нам бы в плен не попал, ни в клетку ту... пал бы с оружием в руках, но неволи избежал.

— Так и будем разговаривать? — с напускным недовольством и подчеркнутым нетерпением вопрошал Глеб, вскидывая острием вверх выданный ему для поединка меч, — я спрашиваю, ты готов?

А сам уже по привычке присматривался к очередному противнику в далеко не первом для себя поединке. Слабые места высматривал. И придумывал, как обратить их себе на пользу.

На первый взгляд увиденное не слишком обнадеживало. Если на Глебе была лишь повседневная одежда (оружие выдали — хоть на том спасибо), то Тулькан вышел на бой... добро, не на коне хотя бы. Но и без того был защищен неплохо. Кольчуга, рогатый шлем, в котором варвар казался даже выше, чем был на самом деле. Тот же Глеб, будучи сам далеко не маленького роста, смотрелся не слишком внушительно рядом с этой ходячей мини-крепостью. А клинок, который Глебу предоставили на время поединка, и вовсе выглядел жалко рядом с двуручным мечом, который Тулькан в этой схватке решил предпочесть топору.

Но вот с другой стороны...

Уже то, что Тулькан предпочитал сражаться не пешим, а конным, говорило о многом. Едва ли дело было лишь в привилегированном положении Черного Всадника. Что если не своих двоих ему передвигаться трудно... ну или хотя бы не слишком удобно? А тот факт, что коня Тулькан выбрал себе не абы какого, но огромного объяснялся тем, конечно же, что другой конь такую тушу не выдержит. Особенно в доспехах.

Именно так — тушу, а никакую не крепость. Неповоротливого громилу, таскающего на себе груды железа, вдобавок. Чтобы победить такого, Глебу надлежало Тулькана для начала измотать. А самому при этом беречь силы и не дать до себя добраться.

...Не было ни удара гонга, ни любимой жеманными дворянчиками из пушкинских времен фразы «Не угодно ли вам примириться?» Взревев и держа перед собой меч обеими

руками, Тулькан ринулся на своего противника. Вернее засеменил, тяжело переступая и топая огромными как кирзачи сапогами. Еще он, кажется, покачивался при этом... пошатывался? Или даже прихрамывал? Если последняя догадка была верна, шансы Глеба возрастали.

Хотя вообще-то ни на что кроме победы «несравненный Рокки» и не рассчитывал.

Приблизившись на расстояние удара, Тулькан обрушил на противника меч... точнее, обрушил на то место, где Глеб находился мгновение назад. Но тот уже успел податься в сторону. А затем короткой перебежкой отдалился от Тулькана на несколько шагов.

Судя по недовольным возгласам, такое поведение варварам решительно не нравилось. Восприняли как проявление трусости, не иначе.

Ну да Глеба не шибко волновали их чувства. Хуже было, что вместо широкой арены в его распоряжении оказалась лишь небольшая площадка посреди становища. Да и ту ради поединка варварам пришлось освободить, переставив пару палаток. В общем, пространства для маневров у Глеба почти не имелось, что вроде было на руку его противнику. Но с другой стороны, ведь и противник этот — не автоматон железный и не элементарь. То есть, пострашнее видали.

Вместо того чтобы упражняться в беге, Глебу пришлось снова подпустить Тулькана поближе. Новый взмах тяжелой железяки — и тот, кому предназначался ее удар, снова отскочил. Ровно настолько, чтобы под оный удар не попасть.

— Трус! — прорычал Тулькан, — ты биться собираешься или нет? Только время тратить на твои ужимки!

«Время, как же, — не без злорадства подумал Глеб, — силы ты тратишь, баклан неуклюжий! Видать, почуял уже, как они тебя покидают!»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А в следующий миг Глеб... побежал. Потрусил, нарочно не напрягаясь, вдоль самой границы импровизированного ристалища. Тулькан, погнавшись, было следом, к чести своей, впрочем, быстро сообразил, что в его положении лучше всего настичь противника, бросившись ему наперерез.

И ведь настиг... другое дело, что Глеб отнюдь не в догонялки играть собирался. Улучив момент, он подался в сторону, уходя с пути Тулькана. Тот не успел ни остановиться, ни тем более развернуться, а Глеб уже подставил ему подножку. И варвар, не ожидавший такой напасти, шлепнулся на траву точно мешок с дерьмом. Несколько его сородичей, стоявших ближе всех, едва успели попятиться, дабы эта бронированная туша не рухнула на них.

Глеб торжествующе ухмыльнулся — видели, мол? Толпа зрителей ответила глухим ропотом. Вроде бы не струсил чужак, уже не в бегство обратился, но даже удар нанес. Долгожданный. Но какой-то подлый оказался этот удар. По варварским понятиям.

Что ж. После воплей недовольства и такую реакцию можно считать шагом вперед. Победителей же, как известно, и вовсе не судят. Оставалось только, времени не теряя, стать победителем. Закрепить успех.

Но не тут-то было! Глеб только и успел, что занести над поверженным противником меч. Удар нанести ему уже не удалось: в последний миг Тулькан успел поднять собственное оружие. И встречным ударом смог не только отразить атаку Глеба, но и буквально отшвырнул чужака от себя. Смахнул, как муху свернутой газетой.

Отлетев на несколько шагов, Глеб лишь за долю мгновения худо-бедно сгруппировался, чтобы приземлиться на траву поаккуратнее. А не рухнуть, что-нибудь себе при этом сломав.

Меча он тоже из руки не выпустил, хотя под ударом Тулькана смог удержать его на пределе сил.

Тяжело поднявшись — с глубоким вздохом то ли перетрудившегося человека, то ли страдающего одышкой — могучий варвар зашагал к Глебу... уже нацелившемся для ответного удара.

Пронзить грудь и живот Тулькана, защищенные кольчугой, наверное, можно было... но сложно. Как и ноги подрубить, за что отдельное спасибо высоченным сапогам. Впрочем, небольшую зону поражения Глеб все же высмотрел. Между сапогами и кольчугой, на ногах чуть повыше колен. Всей защиты там было — штаны из грубой ткани.

Определившись с направлением атаки, Глеб не торопился подниматься с земли. Во-первых, снизу атаковать было удобнее. А во-вторых, он надеялся своим положением (полулежа на траве, опершись на одну руку) усыпить бдительность противника.

А когда Тулькан оказался на расстоянии удара, и когда клинок Глеба метнулся в его сторону... оказалось, что надежда та была напрасной. Меч варвара буквально обрушился наперерез оружию его противника. Тяжелый навесной удар едва не выбил меч из руки Глеба. И то, что оружие свое Глеб вновь сумел удержать, утешало, увы, на сей раз слабо. Тяжеленный двуручный клинок буквально прижал, пригвоздил его более легкий меч к земле.

— Что, добегался? — злорадно вопрошал варвар, склонив над Глебом заросшее бородой лицо и щерясь ртом, из которого пованивало и в котором не хватало нескольких зубов, — только бегать, я смотрю, ты и горазд. Надо было не мечами с тобой махаться, а... поохотиться. Погонять тебя с собаками. Как зайца. Вот тогда бы побегал, ага!

Но торжествовал Тулькан недолго. Резким и едва уловимым движением свободной руки Глеб подхватил горсть земли и швырнул ее варвару в лицо. Нечленораздельно рыкнув, Тулькан отпрянул. Давление клинка на клинок ослабло — и Глеб, рывком высвободив свое оружие, почти одновременно подскочил на ноги.

Ударить, впрочем, он опять не успел. Выпад бойца с арены его противник-варвар сумел парировать: металл со звоном ударился о металл. Потом еще раз... причем атаковал Тулькан уже с большей силой. Настолько, что едва не выбил меч из руки Глеба.

«Когда ж ты выдохнешься, наконец, зараза!» — с досадой подумал тот.

Новый удар Тулькана Глеб едва отразил. Еще и попятиться пришлось на несколько шагов. Варвары-зрители при этом одобрительно загомонили — болели-то они, само собой, за сородича.

Глеб видел: Тулькан уже дышит если не с трудом, то с заметным усилием. А пот не просто покрывает бородатое лицо, но струится по лбу и щекам, вытекая из-под шлема. Целый крохотный водопад!

Но варвар все не унимался. Устал он или нет, но на боевитости это несколько не сказывалось. Реакции Тулькан не потерял, атаки противника отражал успешно. Снова и снова скрепящая с ним мечи, Глеб одновременно лихорадочно соображал, спрашивая сам себя: «Как же так? Как ему это удастся? Да он просто как заведенный!»

И... уцепился за последнюю мысль. Действительно, в поведении уже утомленного, но все еще боеспособного варвара было что-то от однажды отлаженной и запущенной машины. Которая будет работать и работать. Без ошибок и явных неполадок. И до тех пор, пока либо из строя не выйдет, либо не остановит ее какое-то внешнее и не предусмотренное при запуске обстоятельство.

Тот же автомобиль способен вроде бы ехать без водителя... до ближайшего поворота

или препятствия вроде дерева или стены. Если же вместо дороги с препятствиями и поворотами авто досталась колея, то время самостоятельной езды оказывается ограниченным разве что протяженностью оной колеи. Ну и емкостью да наполненностью бензобака, конечно.

Как видно, схватка на мечах и стала для Тулькана такой колеей. И чтобы победить, Глебу требовалось одно: как-нибудь противника-варвара из этой колеи выбить.

Как-нибудь, ага! Легко сказать! Но решение все-таки пришло к Глебу — буквально на ходу.

Снова скрестив с Тульканом меч, Глеб одновременно смог подобраться к варвару настолько близко, чтобы суметь достать его... не оружием, конечно. Всего лишь ногой. Но хватило и этого.

Удар пришелся чуть выше колена. И хотя бил Глеб со всей силы, пинок этот не столько боль причинил Тулькану, сколько ошеломил его. От неожиданности варвар охнул... затем попятился, прихрамывая. А на лице появилась прежде не присущая этому дикому воину растерянность.

Следом наконец-то настигла Тулькана и усталость. Одной рукой он ухватился за грудь — с левой стороны, там, где сердце. Оставшаяся же рука уже не могла удержать тяжеленный меч на весу. Клинок опустился... чем Глеб не преминул воспользоваться.

Молниеносный выпад — и острие меча врезалось под подбородок Тулькана, с хрустом ломая шейные позвонки.

Затем было обратное движение, столь же стремительное. И новый удар. Размашистый. Снесший варвару голову.

Тулькан едва успел упасть, а Глеб уже вскинул окровавленный меч над головой. Да еще завопил что-то нечленораздельное, но тоном явно торжествующим. На манер Тарзана.

— И где ты научился так драться? — уже вечером того же дня поинтересовался у Глеба Грульд Жнец, вождь пленившего его клана, — вроде бы имперец, но не из воинов... коль без доспехов попался. Однако и на торгоша или крестьянина тем более не похож.

Долговязый и жилистый, с лицом узким, суровым, обветренным и каким-то вытянутым, погоняло свое вождь едва ли получил за праведный труд на полях. Если, конечно, речь не идет о полях сражений, где вместо серпа используется меч или боевой топор. А заменой колосьев служат жизни врагов.

И рассуждениям Грульда нельзя было отказать в какой-никакой логике. По варварским меркам разумеется.

Захоти Глеб сказать правду, посвятил бы он вождя в свое армейское, а затем бандитское прошлое. Не оставил бы без внимания и бои на арене в имперской столице. Однако отвечать пришлось совсем другое — по причинам, более чем очевидным. Повторять историю, которую подсказал магический голос.

— Стражником я был в одном городишке, — услышал в ответ на свой вопрос Грульд Жнец, — он потом еще к Империи присоединился... сдуру, как потом поняли. Маги, столичная знать и прочая шушера высокопоставленная — они нас доили только. Как липку обдирали, дань собирая. Ну, народ терпел... недолго. Взбунтовался. Когда в очередной раз сборщик дани пожаловал, его повесили вместе со всей прислугой да охраной. Следом еще несколько городков, про нас прослышав, поднялись. Наверное, вся бы провинция дружно Империю послала... куда следует. Но так ведь целый легион к нам пригнали.

Мы сражались, сколько могли. Я сражался. А что толку? Имперцы-то и вооружены лучше, и людей у них побольше... да и обучены они — не чета нашим. Все меньше нас становилось. Кого-то убили, кто-то сам зассал и сдался. А кучку самых отчаянных, включая меня, в лес загнали.

С годик мы с пацанами по лесам проболтались. Разбойничали. Если вояка имперский подворачивался — рубили или на дереве вешали. Да только, в конце концов, и нас... кого перебили, кого переловили. Меня вот, например, ночью повязали. Так что... да: я и не лавочник, и не крестьянин. Как и не воин — по понятиям имперского начальства. Так, головорез. Отброс общества.

К слову сказать, подобные бунты — против новых законов, а паче против сбора дани — случались в Империи не столь уж редко. Особенно в «новых провинциях». Где народ привык к вольнице и богатством избалован не был.

Так что поверить рассказу Глеба можно было. В том числе предводителю варварского клана. Особенно если оный предводитель был более или менее наслышан о происходящем во вражеских землях.

В случае же с Грульдом... если он и не поверил услышанному, то виду не подал. Тем более что беседу эту, вечером у костра, затеял Жнец не только и не столько для утоления собственного любопытства. Едва ли его вообще сильно интересовала биография новичка, после поединка принятого в клан.

По большому счету вопрос о боевых умениях Глеба и их источнике оказался лишь прелюдией. Как и всякий лидер... хороший, руководствовался Грульд соображениями вполне практическими. И разговор затеял с конкретной целью: решить одну насущную,

перед кланом стоящую, проблему.

То, что по итогам поединка Глеба и Тулькана клан лишился одного из воинов — было еще полбеды. Ведь одновременно он же клан на одного человека пополнился. Хоть и на новичка, зато оказался этот новичок бойцом умелым.

Хуже было другое. Пленников-невольников клану и без того удалось захватить маловато. Да тут еще их численность сократилась на одного человека, поднявшегося в своем статусе до воина. В силу чего выходило, что вылазка того же Тулькана прошла зря. При потере более десятка воинов.

А между тем невольники клану требовались не только для собственного пользования. Сам Вольгрон Сотня Шрамов, возглавлявший вторжение в Империю, требовал поставок «живых трофеев» в захваченную крепость. И как в таком случае поступать — что Грульду, что всему клану?

Последний вопрос, как бы между делом заданный новичку, сам в себе же содержал ответ. Как понял Глеб, клану требовалась помощь в захвате пленников — чем больше, тем лучше. И именно от него Жнец ожидал самого активного участия в решении этой проблемы. Усугубленной, как ни крути, его, Глеба, стараниями.

А надеялся вождь вот на что. Коль Глеб родился в Империи, то и земли здешние должен был знать всяко лучше, чем варвары. А коль так, то найти место, где можно захватить побольше невольников, новичку должно быть гораздо легче, чем другим членам клана. Рыскавшим по чужой земле, враждебной и незнакомой, аки слепые котята.

Ну и, разумеется, Глеб должен был поучаствовать и в самом захвате. Не потому, что без него новые сородичи вряд ли бы справились. Нет. Просто тем самым новичок повязывался с кланом кровью. Убедительно (для варваров) подтверждал свое желание окончательно порвать с Империей. Ведь едва ли у Глеба будет шанс вернуться под имперское подданство после того, как он поднял оружие против мирных ее жителей.

Постигая ход мыслей Грульда Жнеца, Глеб не мог не усмехнуться над своеобразной логикой кланового вождя. Как и над смесью простодушия варварского мировоззрения с потугами на хитрость. Можно подумать, «бунтарской» биографии и соучастия в убийстве имперских воинов было недостаточно для того, чтобы стать для оной Империи врагом. Куда уж враждебнее, казалось бы?

Видимо с точки зрения таких, как Грульд убивать воинов было простительно. И уж, по крайней мере, не выходило за пределы неких, принятых у варваров, норм. Таков уж был воинский путь — оборваться коему полагалось на поле битвы, а никак не в старости и в уютной постели. Так какие тогда могут быть претензии?

А вот на тружеников мирных нападать — совсем иное дело. На тех, кто сам защитить себя не может, кому оружие держать не полагалось... но без кого даже самые доблестные из воителей умрут от голода. Такого рода агрессию Империя должна-де воспринимать гораздо острее.

Еще, похоже, прозванный Жнецом вождь воспринимал Империю Света просто как огромный клан, вроде варварского. У которого, если имеются враги, то общие на всех. И каждый, от мала до велика, о них знает. Вся Империя будто бы живет стремлением этих врагов уничтожить, не допуская компромиссов или попыток сторговаться с ними, превратить в союзников. А то, что внутри Империи... даже среди элиты ее, магов, возможны разногласия и интриги, а преступнику, чтобы выдать себя за добропорядочного гражданина, достаточно бывает перебраться в другой город, где о его делишках никто не знает — такие

нюансы в варварской голове попросту не укладывались.

Но как бы то ни было, а роль свою Глебу надлежало доиграть до конца — победного, ясен пень. На тот же момент сей засланный магами казачок оказался в роли подчиненного при варварском вожде. А коль так, и вождь дал Глебу некое задание, следовало это задание выполнять. В чем сам бывший боец с арены рассчитывал на помощь волшебного голоса.

Голос не подвел и на этот раз. Норенус Зоркий или кто-то из подчиненных его, державший связь, обещал найти решение на следующее утро. Аналогичное обещание — со ссылкой на необходимость освежить память да извечным «утро вечера мудренее» — дал в свою очередь и Глеб Грульд Жнецу. Во все той же вечерней беседе у костра.

И ни в том, ни в другом случае обещание не осталось невыполненным. С помощью ли специальной волшбы или с воздуха — облетев местность на виманах — но ребята из Тайной канцелярии умудрились-таки обнаружить нетронутую вроде бы войной деревушку всего в трех днях пути от становища клана Грульда. После чего голос в голове Глеба сообщил и о самой деревушке, и как до нее добраться.

И все бы хорошо, но настигло это сообщение Глеба совсем рано, аж на рассвете. А он так надеялся отоспаться — после утомительной схватки с Тульканом (этой фабрики адреналина!) да пребывания в невольничьем загоне. Что если и можно было назвать отдыхом, то с громадной натяжкой. Во всяком случае, из туристов о таком могли мечтать разве что самые отмороженные адепты экстрима.

Но... труба позвала, значит пришло время подъема.

— А ты, случаем... не колдун? — с подозрением осведомился Грульд Жнец, когда Глеб рассказал о заветной деревне уже ему.

— Какой колдун — я в той деревне как-то на постой напросился, — совершенно искренне возмущившись, отперся Глеб, — ну, когда в бегах был. Не все же в лесу чалиться... зимой, например, без крыши над головой не выжить. Просто подзабыть успел. Особенно как добраться. Зато когда отдохнул — вспомнил.

Ответ вождя удовлетворил. И в набег на деревню он отрядил вместе с Глебом еще дюжину воинов. Командовал группой, разумеется, не новичок — даром, что обезглавивший предыдущего командира ловчего отряда. Но лысый усатый детина с рябым лицом. На расшаркивания перед новичком тот времени не тратил, представиться персонально Глебу не удосужился. И потому сам Глеб про себя прозвал командира Рябым.

Отправились в набег с утра же. Добро, хоть вначале позавтракали. И дали возможность новичку ознакомиться с выданной амуницией. Рогатый шлем, кстати, выдали тоже. А вот от любимого тем же Тульканом боевого топора Глеб отказался — счел громоздким и неудобным для пешего похода.

Что лошадей у варваров мало, и потому передвигаются они в подавляющем большинстве на своих двоих, Глеб уже понял.

Путь к деревне действительно занял около трех дней... ну, немного подольше, потому что добрались до нее где-то под вечер. Глеб показывал спутникам-варварам путь, голос в его голове подсказывал, если весь отряд сворачивал куда-то не туда.

А когда варвары добрались до искомой деревни, по крайней мере, Глебу стало ясно, почему вторжение и война до сих пор не слизнули ее аки корова языком.

Оказалась «деревушка», скорее, небольшим городком. По крайней мере, по средневековым понятиям, отличавшим город от деревни, прежде всего наличием укрепления. Земляного вала, например — как в данном случае.

Более того! Над валом и городком торчала дозорная вышка. И едва к укреплению приблизилась группа варваров, как в одного из них угодила пущенная сверху стрела. Спасибо кольчуге — варвар выжил, стрела его только ранила. Но, как выражались журналисты на родине Глеба, «месседж», посланный таким способом, был более чем понятен. Так что пришлось незванным гостям в рогатых шлемах отступить. И укрыться за ближайшими кустами.

На фоне, какой ни на есть, но крепости дюжина воинов смотрелась совершенно несолидно. Если не сказать — ничтожно.

— И что теперь делать? — вопрошал растерянный Глеб, — да тут в десять раз больше воинов требуется!

Адресовались вопрос и претензия тем, кто общался с Глебом посредством волшебного шарика и навел его в компании с варварами на так называемую деревню. Но произнесено и то, и другое было вслух. И потому не укрылось от спутников.

— А вот это уже у тебя надо спросить, — недружелюбно отозвался Рябой, — сам нас привел, добычу обещая. Теперь подскажи, как ее взять.

И ведь нечем было крыть его доводы! Не обольщаясь на свой счет, не считая себя идеальным, за базар свой Глеб привык отвечать. А потому с усилием шевелил мозгами, подыскивая выход. Достойный.

Первый импульс — потянуться рукой за пистолетом — Глеб вовремя подавил. Почти сразу. Не хватало еще подтвердить смутные подозрения вождя. Известно ведь, как варвары относятся к волшебникам. Не лучше, чем советские солдаты к головорезам Третьего Рейха.

Гранаты, которая бы могла хоть брешь в укреплении проделать, хоть вспугнуть взрывом жителей городка, у него и вовсе не имелось. Хотя было бы неплохо: кого-то из крестьян, разумеется, могло убить взрывом, зато большинство наверняка бы выжило. И предпочло бы убраться от опасного места подальше... выбравшись за предел, огороженный валом — который, как тогда бы выяснилось, ни хрена не защищал. Уж тогда варвары добрались бы до этих беглецов. Не до всех, понятно. Но десятков-другой отловили бы точно. А это все равно больше, чем находилось людей в невольничьем загоне при становище клана Грульда.

Мечты, мечты... а с ними за компанию прокралась здравая мысль. И эту, последнюю Глеб теперь судорожно старался не упустить.

Итак, перебраться через вал варварам нечего и мечтать: с той стороны сначала стрелами нашигуют, а тех, кто шпиговку переживет, наверняка будут ждать суровые мужики с каким ни на есть оружием. Да с численным превосходством, скорее всего. А коль так, нужно заставить самих местных жителей вылезти из-за укрепления. Да не просто выйти, а драпануть в панике, от которой боеспособность потенциальных защитников уходит чуть ли не в ноль.

Да, граната в решении этой проблемы пришлась бы кстати. Но чего нет, того нет... во-первых. А во-вторых, есть и другие средства растревожить человеческий муравейник. Подешевле и поэффективнее.

Высунувшись из-за кустов, Глеб посмотрел в сторону городка. Остановил взгляд на ближайших домах, на выглядывавших из-за вала крышах... соломенных. А дома наверняка были бревенчатые. Да еще стояли тесно — потрясающая беспечность!

Следом вспомнился и урок истории в школе. Один из уроков. На котором рассказывалось, что в старину даже не какая-то деревушка, а целая Москва несколько раз выгорала дотла. Причем для большого пожара хватало одного-единственного чудака на букву

«м», небрежно обращавшегося с огнем — хоть в светильниках, хоть в печи. А строения, преимущественно деревянные, служили вырвавшемуся пламени лучшей кормежкой.

«И как сами варвары, что наверняка мимо проходили, не додумались до такого?» — подумал Глеб не без чувства превосходства. Но затем, почти сразу, понял, что ничего удивительного в том, что варвары не сообразили выкурить жителей осажденного городка, пустив им красного петуха, не было. Ведь грабить в сгоревшем городке было бы нечего. Ну а в отсутствие помощи со стороны огня лезть на рожон в укрепленное поселение было чревато. Потому, собственно, городок и уцелел. Варвары предпочитали обходить его стороной, подыскивая добычу полегче. До сих пор предпочитали — пока она подворачивалась.

Но вот на сей раз, вооруженные чужаки пожаловали к земляному валу не ради грабежа и трофеев. Вернее, трофеи их интересовали — только другого рода.

— Итак, я, кажется, понял, как нам быть, — с легкой, но гордостью рапортовал Глеб спутникам-варварам, — для этого нужны луки, стрелы... и костер еще. Ну и что-нибудь, что хорошо горит.

Лучников, как затем выяснилось, в группе имелось целых двое. Не так уж много: видимо, на то, что придется стрелять, варвары едва ли рассчитывали. Но вот действенность стрел даже против имперских конников оценить сумели. И потому совсем сбрасывать это оружие со счета не стали. А то мало ли что или кто может встретиться в походе. Следовало быть готовым к худшему.

Атаковать решили ночью. Во-первых, сонные люди, будучи застигнуты врасплох, и соображают хуже, и действуют недостаточно обдуманно, а главное — быстро. В таком же деле, как тушение пожара, многое решают чуть ли не секунды. Ну а во-вторых, бездействие нападавшей стороны в течение нескольких часов до наступления темноты должно было успеть... усыпить бдительность защитников городка. Вроде как испугалась шайка варваров укрепление штурмовать. Да и стрела (безнаказанная!), попавшая в одного из этих дикарей-головорезов деморализовала и напугала-де остальных. Коих и без того было не слишком много.

О том, что и варварам не была чужда военная хитрость, в городке вряд ли догадывались. Привыкли, наверное, считать этих пришельцев из диких земель кем-то вроде зверей, только двуногими. Хищных зверей, с ревом кидающихся на добычу... но неизменно осторожных, даже пугливых перед лицом опасности. «Жри слабого, убегай от сильного» — вот и вся тактика. Казалось бы.

Опять же по совету Глеба его спутники-варвары охотно подыграли таким представлениям о себе мирных землепашцев. Дергаясь и подпрыгивая, они поплясали, отойдя от вала чуть дальше расстояния выстрела из лука. Да поорали при этом что-то нечленораздельное: не то ругательства, не то проклятия. В прежней жизни Глебу доводилось слышать подобные звуки — по ночам они нет-нет, да доносились со стороны то двора, то крыльца подъезда. Где то ли выясняла отношения, то ли просто выпускала пар очередная компания припозднившихся гуляк.

Конечно, уже одно то, что варвары на ночь встали-таки близ городка лагерем да еще костер разожгли, должно было насторожить мирных имперских подданных. Уж не ждут ли дикие ублюдки подкрепления... например? Но и у костра люди Рябого продолжали старательно поддерживать реноме безнадежных дикарей — только вчера вышедших из леса и потому чуждых всякой хитрости.

Перед костром варвары плясали, отбрасывая тени, горланили какую-то песню, сочиняемую явно на ходу и потому ни с рифмами не дружившую, ни ритма какого-то постоянного выдержать не способную. Развлекалась так вся ватага... кроме лучников и Глеба. Собственно, от них-то, занятых обсуждением предстоящей атаки, и отвлекали внимание остальные.

Оставалось надеяться, что все эти бесхитростные уловки сработают. И восприняты будут ужимки и прыжки группы Рябого так, как рассчитывали сами варвары. А подозрений не возникнет — чай, не с воинами дело иметь приходилось, а хоть с вооруженными, но трудягами.

...первая подоженная стрела полетела в направлении наблюдательной вышки. Что сложена была так же из бревен, как и все остальные строения в городке. Разумеется, целивший в вышку лучник сильно рисковал. Заметь раньше времени его дозорный (а огненное пятно на фоне ночной темноты не разглядел бы только слепой) да успеет выстрелить первым — и вся затея накрылась бы медным тазом.

Но пронесло: стрела огненной птицей устремилась к вышке, а выпустивший ее лучник бросился в сторону, в темноту — как и было оговорено ранее. Ну а какой-то миг спустя дозорному сделалось уже не до стрельбы. И даже не до поднятия тревоги. Свою бы шкуру

спасти.

Как он решал этот вопрос, нападавшей стороне было неизвестно, да и неинтересно. Мог хоть на землю выпрыгнуть — в надежде, что хотя бы часть костей останется целой.

Что по-настоящему имело значение для варваров, так это огонь, стремительно охватывавший вышку. И помимо прочего служивший неплохим источником света. Целиться через вал в соломенные крыши городка стало заметно легче. Хотя... если подумать, промахнуться здесь было нелегко. За что отдельное спасибо самим местным жителям, столь кучно застроившим огороженный валом пятачок.

Следующая стрела была послана уже спустя несколько мгновений после первой, подпавшей вышку. Угодила она в ближайший к валу домик; сухая солома полыхнула чуть не вся разом.

Лучники варваров успели поджечь еще пару строений, прежде чем народ в городке зашевелился. Кто-то забегал, топая — наверное, рвался с ведрами к колодцу. Кто-то ругался, кто-то хлопал дверью или калиткой. Доносились из-за вала и другие звуки: детский плач, лай собаки, испуганное блеяние овцы.

Но, как говорится, доброе начало полдела откачало. Даром, что добрым оно в данном случае было не для жителей городка. Как те ни суетились, но изменить расклад были не в силах. Лучники продолжали действовать прежним образом: подбегали к костру, затем короткими перебежками приближались к валу, и — выпустив стрелу, уносились в сторону. Чтобы спустя минутку-другую повторить перечисленное снова.

И постройки городка вспыхивали одна за другой. Тушить их не успевали.

Некоторые из жителей городка попытались было дать варварам отпор. Они поднялись на вал и успели даже выпустить несколько стрел. Но быстро поняли безнадежность этой затеи: не сразив ни одного из шустрых лучников, сами они потеряли аж двоих.

Что и неудивительно. Это отчаянные защитники городка были прекрасно видны на фоне разгоравшегося пожара. А вот заметить варваров, во-первых, скрывавшихся в темноте, а во-вторых, отнюдь не сидевших на месте, было почти невозможно.

Итак, труд по тушению пожара оказался сизифовым. С ответными атаками тоже ничего не вышло. И потому от первоначального намерения — попытаться защитить свой кров — жители городка были вынуждены перейти к другому, более осуществимому. Спасаться бегством. Унося ноги и все, что можно унести в руках.

Вот тут-то и пришел черед действовать остальным варварам, пришедшим к валу вместе с Глебом и Рябым. До тех пор, пока не начался исход, те лишь сидели, затаившись в темноте — в засаде.

Кстати, жители городка не удирали как стадо перепуганных овец или запаниковавших кур. Местами их поведение больше походило не на бегство, а на прорыв силой. Тем более что окружения как такового не было — чтобы оное устроить, Рябому потребовалось бы в десятки раз больше людей.

С другой стороны варварам вовсе не было необходимости брать плен всю, перелезавшую через вал и устремившуюся в сторону ближайшего леса, толпу. Как уже говорилось, десятка-другого захваченных людей хватило бы с лихвой, чтобы Грульд Жнец остался доволен. Так что имелся выбор — кого вырывать из толпы и затем лишить возможности бегства, как и вообще свободы.

Выбирали варвары себе в добычу, разумеется, тех, кто был помедлительнее и послабее. Другое дело, что и у этих, медлительных и слабых беглецов, нет-нет, да находились

заступники. Из родственников, например, или из друзей. Они наскакивали на варваров с вилами, топорами и кольями. И хотя серьезный урон нанести опытным воикам были не в силах... почти, но вынуждали их отвлекаться на себя. Отвлекаться, теряя драгоценные мгновения. Порой позволявшие почти захваченной ими добыче двуногой — удрать.

Кстати о «почти»! Это самое «почти» по закону подлости стоило жизни не абы кому, а самому Рябому. Как видно, один из драпавших жителей горящего городка успел поносить воинские доспехи. А может, ограбить... или, скажем, обыграть в кости кого-то, кто оные доспехи носил. Так или иначе, но оказался оный житель счастливым обладателем арбалета. Из которого он не просто умел стрелять, но и умудрился попасть варварскому командиру аккурат в нос.

Впрочем, если сей меткий стрелок надеялся, что лишившись главаря, варвары испугаются и по-хорошему отвалят, то он ошибался. Коль каждый из варваров знал, что от него требовалось, то в командирском окрике нужды почти не было. Кроме того, предводителем Рябой успел стать сугубо символическим — с того самого момента, как столкнулся с непреодолимым препятствием в виде укрепления, дозорной вышки и численно превосходящего противника.

Вопрос же о том, кому быть новым командиром, решился быстро и без лишних прений. Буквально на ходу... зато решение оказалось вполне ожидаемым. Не сговариваясь, без возражений и удивлений, варвары стали выполнять команды теперь уже Глеба. Сочтя, что вариантов лучше попросту нет.

Такой аргументации оказалось достаточно... ну, по крайней мере, до возвращения под ясные очи Грульда. Ведь варварская ватага — это не воинское подразделение какой-нибудь цивилизованной страны. Где вопрос с командованием решается согласно уставу, системе званий, а порой и по желанию левой пятки кого-то из высоких начальников. Для варваров командир все равно, что вожак для стаи хищных зверей: статус его зависит, прежде всего, от успешности. И ежели иной Акелла промахнется, то извините — замену в стае найти несложно.

А первой командой Глеба в его новом, хоть и негласном, качестве стало снова задействовать лучников. Так, чтобы навести страху на остальных жителей городка — кроме тех, кого варвары присмотрели себе в добычу. Несколько стрел, выпущенных из темноты в спины некоторым из беглецов, послужили остальным более чем доходчивым напоминанием, что лучше бы поторопиться. А не корчить из себя героев. Своя-то шкура всяко дороже.

Городок не успел догореть, когда все было кончено. Основная масса его жителей скрылась в лесу. Где несчастные погорельцы могли вздохнуть с облегчением: слава Свету, с ними хотя бы самого страшного не случилось. Живы, руки-ноги на месте — а жилище взамен сгоревшего и построить можно.

А вот восемь мужчин и десять женщин дойти до спасительного леса не сумели и потому позволить себе облегченных вздохов не могли. И речь шла не о тех, кто погиб в огне или в неравной схватке с варварами. Эти остались живы. Вот только впереди их ждал варварский плен. С отправкой большинства в «твердыню Разрушителя» — если не всех. А значит, судьба этих бедолаг становилась туманной. И, главное: им уже неподвластной.

В крепость варвары конвоировали невольников уже под безоговорочным командованием Глеба. Как и до этого — в становище клана, где повысившийся статус новичка был охотно подтвержден Грульдом Жнецом.

Да и звали теперь Глеба в клане без обиняков на варварский манер. Рокки, сын

Сильвестра — так он сам и представился, недолго думая. И погоняло получил в придачу: Драконья Кость. В честь оберега, на деле являвшегося пистолетом, да сопутствующей легенды.

И говоря между прочим, собственному погонялу среди варваров достаивался далеко не каждый. Не рядовой махальщик мечом или топором точно. Только вожди... ну и еще воины, пользующиеся в клане авторитетом. Как, например, Тулькан тот же.

Сама крепость, превратившаяся в «твердыню Разрушителя» Глеба не впечатлила. Не ахти какое циклопическое сооружение — просто несколько построек высотой не более чем с девятиэтажный дом у него на родине. И втиснутых в огромный каменный колодец крепостных стен. Сами строения, массивные, преимущественно каменные и с маленькими окошками были лишены даже намека на красоту и изящество. Вдобавок, самые высокие из крепостных построек нависали над остальными... и над обитавшими в крепости людьми мрачными и грозными великанами. Которые словно намеренно закрывали солнце, двор крепостной держа в постоянной тени.

По-видимому, находилась пресловутая «твердыня» еще дальше от столицы Империи, чем даже городок, из которого Глеб тронулся в путь навстречу Разрушителю Магии. И дыхание цивилизации здесь ощущалось еще слабее. Ну да, впрочем, оно и к лучшему... наверное. Что пунктом назначения в путешествии Глеба оказалась именно окраинная крепость. Что именно крепость вдалеке от столицы угодила в руки варваров. То есть дальше пройти вглубь имперских земель этим двуногим зверям не удалось.

Пока не удалось. И, как Глеб внутренне надеялся, уже и не удастся — он постарается.

Ремонт, который потребовался крепости после ее взятия необузданной варварской ордой, по большому счету завершился. Во всяком случае, в крепостном дворе царил относительный порядок — ну, если не обращать внимания на маячившие тут и там кучки мелкого мусора вроде обглоданных костей, например. Лишь откуда-то еще доносился стук молотка... но с тем же успехом это мог стучать и кузнец, трудившийся над амуницией нынешних хозяев твердыни.

Еще крепость оказалась набита людьми. Причем не только и не столько невольниками. Варвары во дворе буквально толпились, точно покупатели на рынке или отъезжавшая, только что прибывшая и встречающая-проводящая публика на вокзале.

За крепостными стенами, похоже, пытался разместиться чуть ли не весь клан Вольгрона Сотни Шрамов. Некогда рядового вождя вроде Грульда Жнеца, а ныне сделавшегося предводителем варварских полчищ, хлынувших в имперские земли. Кем-то наподобие верховного главнокомандующего, вокруг которого... а вернее, вокруг чьих побед сплотились прочие кланы.

Так что вполне возможно, думалось Глебу, что Разрушителя Норенус и другие маги переоценивали. Вольгрон, как успешный полководец и, если угодно, политический деятель был не менее значимой фигурой, чем культовый персонаж из пророчества. Персонаж, под видом которого вполне могли подсовывать легковерным варварам и самозванца. Обычного хрена с бугра, никакими чудесными свойствами не обладавшего. «Свадебного генерала», чье единственное предназначение — укреплять и без того немалый авторитет... кого? Правильно, опять-таки Вольгрона. Для придания его военным лаврам еще и некоего священного блеска.

Такие вот мысли пронеслись в голове Глеба, когда он переступил ворота крепости в составе группы варваров из клана Грульда, отряженных для конвоирования пленников. И когда полюбовался на высокую делегацию, вышедшую ему навстречу. Полюбовался — и оценил.

Вот сам Вольгрон Сотня Шрамов. Не просто здоровяк, но сущий человек-гора. Дво

спутников на его фоне смотрелись как-то несолидно.

Вот невзрачная вроде бы девица... в чьем облике, однако, чувствовалось что-то зловещее. Наверное, из-за бледного лица, черных волос и преобладания черных же цветов в одежде. Причем явно неспроста — в этом мире ничего спроста не делалось. В отличие, например, от родины Глеба, где подобный внешний вид выдавал разве что малолетнего недоумка-неформала, пожелавшего выпендриться. Здесь же все имело смысл. Включая мрачный прикид. В свете чего Глеб еще подумал, что если в крепости и впрямь творятся ритуальные убийства и жертвоприношения, то эта чернявая замухрышка должна быть к оным причастна. Уж очень внимательно она смотрела в первую очередь на группу пленников. Внимательно, оценивающе — точно покупатель на витрину. Или, если угодно, мясник на доставленные ему для разделки туши.

А вот, наконец, и сам легендарный Разрушитель Магии. О чем благоговейным шепотом поведал Глебу один из спутников-варваров. Монстром Разрушитель отнюдь не выглядел. Да и вообще не представлял собой внешне ничего выдающегося. Средних лет. Не слишком высокий, телосложения тоже не сказать, что богатырского. А лицо... лицо вообще оказалось каким-то неожиданно симпатичным для злодея. Даже интеллигентным что ли. Хоть Глеб и недолго пробыл в обществе варваров, но уж таких лиц там не встречал ни разу. И был абсолютно уверен, что встретить не мог.

А еще лицо Разрушителя казалось Глебу смутно знакомым. Причем еще по той, прежней жизни, в которой Глеб и ведать не ведал и даже не догадывался, что магия существует на самом деле, что есть еще страны, где в качестве основного оружия до сих пор используются мечи да луки со стрелами. Где-то с этим субъектом Глеб в ту пору уже встречался — даром, что теперь Разрушитель был прикинут вполне по местной моде. Кольчуга, шлем рогатый.

Оттого и замешкался Глеб. Оттого и не только едва не пропустил приветствие Вольгрона, ответив на него в последний миг, да с какой-то неестественной суетливостью. Да вдобавок, что было много хуже, он не потянулся за спрятанным в сапог пистолетом, дабы пустить пулю столь удачно подвернувшемуся, оказавшемуся столь близко, Разрушителю Магии. То есть, не торопился делать то, для чего и был сюда послан — чтобы затем, не теряя ни мгновения, пытаться унести из крепости ноги.

Нет! Растерявшийся, озадаченный Глеб пытался вспомнить, где же все-таки он видел человека, известного теперь как треклятый Разрушитель.

И... вспомнил.

Очередная пассия Глеба (браку законному и стабильному он так и не сподобился) оказалась не чужда прекрасного. Что в небогатом, мягко говоря, провинциальном городке обычно было сосредоточено в двух местах: музее имени какой-то местной знаменитости, ныне почившей в бозе, да театре юного зрителя.

Этот-то театр пассия Глеба не только сама охотно посещала. Но и заманила как-то раз на спектакль его самого. Так вот, во время спектакля сия эстетка-энтузиастка легонько толкнула откровенно скучавшего Глеба локотком да зачем-то сказала, тыча пальцем в сторону сцены: «А ведь хорошо играют! Особенно вон тот... обаятельный мужчинка».

На что Глеб с ворчанием отозвался: «Этот... хе-хе... обаятельный как-то раз нам с пацанами за сигаретами бегал!»

И последнее не было хвастливым враньем в духе рыбацких и охотничьих баек. Пассия Глеба не знала, что понравившийся ей актер еще и подрабатывал — будучи на посылках у

людей Виктора Каледина. Местного дельца, на которого работал и сам Глеб. Так что актеришку этого он вполне мог бы назвать коллегой. Правда, только в приступе нездоровой снисходительности. Забыв, что оный актер не ровня даже ему, Глебу, а так, шестерка. Низшее звено, что кормится объедками со стола нормальных пацанов. За что и бегаёт за сигаретами, например. Причем с благодарностью. В ТЮЗе-то он и вполовину столько не зарабатывал.

Сумел вспомнить Глеб и как звали актера-шныря.

— Илья... Криницкий?! — вырвалось у него.

И — о чудо: сам грозный Разрушитель теперь растерялся. Да вперил в Глеба взгляд: сперва недоуменный, а затем внимательный, изучающий. Не иначе, Глеб в точку попал. И названное оним имя с фамилией вовсе не являлись для этого типчика из пророчества пустым набором звуков.

— Илья, — словно окликнул озадаченного Разрушителя Глеб, — мне это... побазарить, в общем, нам нужно.

Именно так — «побазарить», а не сразу выстрелить в это личико несостоявшейся звезды.

Причина столь резкой перемены крылась в одной из привычек Глеба. Со времен беспокойной юности он привык делить все человечество на своих и чужих. Причем от чужих следовало ежесекундно ждать любой каверзы и подлости — а значит, лучше совершать ответную подлость самому, в том числе и вперед, так сказать, авансом. Со своими же, хоть и тоже конфликты возможны, но желательнее бы все-таки сотрудничать. Помогать своим, поддерживать в меру возможностей и взаимных интересов.

Причем имелся тут один нюанс: в зависимости от ситуации Глеб мог счесть своим того, кого прежде либо относил к чужим, либо относился с откровенным пренебрежением. Вот, например старый знакомец-земляк, с коим вместе пришлось оказаться в этом далеком краю.

А коль так, то не мог Глеб Разрушителя, оказавшегося таким знакомцем-земляком, просто взять и застрелить — в упор и вероломно. По крайней мере, сразу не мог. Стремно же! Свой как-никак. Хоть и с оговорками.

Вероятно, Разрушитель и сам в свою очередь узнал Глеба. Когда подошел к нему почти вплотную — так близко, что даже и стрелять уже было необязательно. Глеб мог хоть мечом пронзить этого заигравшегося актеришку, хоть даже голыми руками шею сломать. Велико было искушение так и сделать. Но Глеб крепился из последних сил.

Наконец Разрушитель, он же Илья Криницкий, удостоил визави словесным ответом. Прозвучавшим к тому же на удивление обнадеживающе.

— По...базарить? — Криницкий не то переспросил, не то просто повторил неспешно, словно пробуя на вкус словечко из родного мира, — что ж, можно и побазарить. Пройдем... те. Со мной.

«Что ж, можно, гы-гы! Пройдемте, хе-хе, — про себя съязвил, передразнивая его, Глеб, — а актеришка-то ты хреновый, оказывается! Не получается у тебя варвара играть. Ишь, какие словечки проскакивают!»

Вслух, правда, он сподобился, напротив, комплименту. Хоть и не сразу.

— А нехило ты, земляк, поднялся, — с такой фразы начал Глеб «базар» после того, как они оба миновали крепостной двор, вошли в одно из каменных зданий с маленькими окошками, поднялись по паре лестниц, прошли темным коридором со сводчатым потолком и, наконец, оказались в комнате Ильи, — это ж надо! С простого шныря — и до авторитета.

Да у таких пацанов крутых, вдобавок. Кому скажу — не поверят.

В комнате, к слову сказать, не было ничего особенного. Никакой роскоши. А из всей мебели — только кровать, небольшой стол с грубо сколоченным табуретом да сундук для личных вещей. Да и размеры помещения... если память не изменяла Глебу, даже он, боец подневольный, имел при арене в столице больше жизненного пространства.

Не иначе, общая нехватка места в крепости сказалась. Желających за крепкими стенами поселиться было много, а строилась она без расчета на такую кучу народа. Отчего страдала, похоже, даже верхушка варваров.

На хвалебный пассаж Глеба Илья едва отреагировал.

— Ну... Москва ведь тоже не сразу строилась, — молвил он, пожимая плечами. А затем уставился на гостя молча и выжидающе. Чего, мол, пожаловал?

Встрече с другим выходцем из родного мира Криницкий если и удивился, то ненадолго. Крепкая память, помогавшая ему в бытность актером запоминать сложные роли, не подвела и теперь. Илья вспомнил, как Кирпич и Заноза рассказали ему перед отправкой про торгаша, добывавшего из этого мира драгоценные украшения. А еще — про «одного из пацанов», работавшего на некоего «Серьезного Дядю». И которого оный «Дядя» заставил сунуться в злополучную дыру-пятно.

Что и говорить, мир тесен. И даже два мира.

А вот для Глеба, напротив, само присутствие в этом мире Ильи Криницкого явилось сюрпризом ненамного меньшим, чем стремительный подъем оногo в местной иерархии.

— Каким вообще ветром сюда занесло? — спрашивал он.

— Кирпича и Занозу знаешь? — встречным вопросом отвечал Илья, — так вот... по их милости.

О том, как перед этим он сам накосячил, бывший актер, понятно дело, сообщать не стал. Счел лишним.

— Кирпича и Занозу, значит, — хмыкнул Глеб, не скрывая презрения, — ну, понятно. Сладкая, блин, парочка. По ходу, их самих надо было сюда совать. Чтоб в варварском плену друг дружку ублажали. Или варваров... хотя здесь, наверное, с этим строго. Как только Захарычу вообще не стремно с этими «голубками» дела вести!

— Захарычу? — переспросил не понявший Илья.

— Виктор Захарович Каледин, — с напускной важностью на грани иронии пояснил Глеб, — под ним хожу... ходил, то есть.

— Каледин, — Криницкий усмехнулся, — ну-ну. Уважаемый человек. Бизнесмен. Меценат. Помню, к нам в ТЮЗ заявился, важный такой. Бабла отсыпал, так директор наш возле него увивался, чуть ли не облизать был готов. Так оказывается, он еще и этот... Дядя Серьезный.

— Серьезней не бывает, — Глеб кивнул, а затем со вздохом перешел от простой беседы непосредственно к делу, — ну да ладно. Что было, то прошло. Я ведь вот чего к тебе заявился. Эти... ну, Империя Света. У них ведь нормальное государство. Блага цивилизации, все такое. Никто не голодает и бутылки не собирает... по помойкам не роется. На хрена варвары сюда полезли? И беспредел устраивают?

— Ну, во-первых, кто куда полез — еще вопрос, — парировал Илья, нахмурившись и не без недовольства в голосе, — имперцы тоже вон... то на варварские поселения свои виманы насылали. Лодки такие летающие. И с высоты магией атаковали. А как виманы я вроде отвадил, так целую армию нагнали. Народ от них по лесам прятался, пока все не

объединились, решив бой дать. И кто здесь после этого беспределщик?

Последний вопрос наверняка был риторическим. А если и нет, то Глеб все равно не думал даже на него отвечать. Но снова вспомнил сценку из ролика, показанного Норенусом Зорким. Ту, где варвар насилует девушку из разграбляемой деревни.

— ...а во-вторых, — продолжал бывший актер, ставший Разрушителем Магии, — тебе что? Ты ведь и сам, смотрю, к варварам примкнул. Невольников вон даже захватил для нас и пригнал. Скажешь, это не по беспределу было? Или они добровольно с тобой пошли? Впрочем, о чем я... надо понимать, что война есть война. Фабрика, но не звезд, а жестокости. Когда обе стороны «хороши»... если подумать.

— Просто, — Глеб будто не слышал его слов и продолжал гнуть свое, — в Империи я был тоже кем-то вроде невольника. Но даже тогда имел больше ништяков, чем иной свободный гражданин у нас с тобой на родине. В Империи все... ну, более правильно устроено, что ли. Там... уж если люди при власти, то не хапнуть стремятся, а жизнь подданных устроить. А если в защитники государства записываешься, то реально идешь и защищаешь. С оружием. И как вернешься — тебе отовсюду респект. А не дачу строишь... какой-нибудь куче дерьма с генеральскими погонами.

— За Империю, значит, впрягаешься, — Илья вздохнул, — странно, конечно...

— Есть за что! — твердо возразил Глеб, — не хотелось бы, чтобы варвары ее разрушили. Особенно столицу... красивейший город, не чета нашим.

А затем, глубоко вздохнув, добавил, подводя черту:

— Собственно, за этим я и здесь. Раз ты у варваров в авторитете... нельзя ли как-то... ну, разрулить это... что ли?

— А как? — развел руками и с выражением искреннего удивления вопрошал Криницкий, — выйти к варварам и сказать: сложите оружие, братцы да возлюбите ближнего и по домам возвращайтесь? «Make love not war», так сказать? Да, ты правильно сказал, что у варваров я типа в авторитете. Но... пораскинь мозгами. Тем более ты сам успел с варварами познакомиться, узнать, кто они такие. Прикинь вот: у многих из них родичи погибли от рук имперцев, друзья. И много ли в таком случае останется от моего авторитета, если я подобное предложу... этой суровой публике? Понимаешь?

— Понимаю, чего уж тут не понять, — с досадой посетовал Глеб, — конечно, авторитет потеряешь... но я должен был попытаться.

И с этими словами потянулся за пистолетом.

Да, момент он улучил — когда расхаживавший по комнате Илья стоял в пол-оборота к собеседнику и появление у того в руке нездешнего оружия заметил лишь в последний миг. Вот только дальше удача отвернулась от Глеба. Он нажал на курок... и пистолет отозвался лишь сухим щелчком. Осечка, будь она трижды проклята!

А уже в следующее мгновение в руке Криницкого уже блеснул меч. Так что предпринять новую попытку выстрела Глеб не успел. Как не успел и достать свой клинок, дабы парировать последовавший затем молниеносный выпад.

Пистолет вылетел из пальцев Глеба... добро, хоть не вместе с рукой. Определенно, Илья щадил своего земляка — хотя бы по инерции. Надеялся на то, что он передумает.

И зря! Глеб рывком метнулся к лежащему на полу пистолету, надеясь, что ни осечки второй раз не случится, ни сам он не промахнется.

Криницкий успел достать его — но не мечом, всего лишь пинком. Что, конечно, вовсе не смертельно... было бы, если б от этого рокового прикосновения не разрушился

сотворенный магами шарик, помещенный в тело Глеба. Шарик, что оказался не только и не столько переговорным устройством. Но, вдобавок, содержал в себе запас чистой силы — почти как копилка колдуньи Вуламары. Пусть и в гораздо меньшем количестве.

Да, маги — и особенно служившие в Тайной канцелярии — умели проявлять гибкость. И перенимать (хоть не без брезгливости) удачные придумки и наработки своих противников: пусть не варваров или Текнов, но хотя бы колдунов, приверженцев Тьмы. А еще они не очень-то доверяли своему не шибко добровольному союзнику. И потому предусмотрели возможность убить сразу двух зайцев: Разрушителя Магии, как самую большую занозу в известном месте и невольника вроде как из числа легендарных Текнов. Что тоже были занозой, пусть пока и не слишком болезненной.

Возможно, спустя десятки или даже сотни лет какой-нибудь рефлексивный историк написал бы, что именно с этой скверно пахнувшей уловки Норенуса Зоркого и начался упадок духа, традиций и принципов Магистериума... а то и всей Империи Света. Вот только не факт, что в запасе у Империи с ее магами имелись эти самые десятилетия, не говоря уже о веках.

По-настоящему значение имело только пресловутое «здесь и сейчас». То есть то, что последовало за разрушением магического шарика.

Силой, вырвавшейся на волю, не только буквально разорвало на куски Глеба. Хватило ее и на то, чтобы ожечь, опалить жаром стоявшего поблизости Илью. А затем, соединившись с кислородом, обратиться в пламя — мигом охватившее и скудную мебель, и самого хозяина комнаты.

Конечно, дым и запах гари не могли не заметить квартировавшие поблизости варвары. Вот только произошло это не сразу. Так что подоспели соседи Ильи с ведрами воды наготове недостаточно быстро.

— Ну? — нарушил напряженную тишину голос Вуламары — негромкий, но звучащий твердо, — и что теперь делать будем? Какие предложения?..

С чем именно делать и насчет чего требовались предложения, пояснять не было нужды.

Несмотря на свой дар, Разрушитель Магии оставался всего лишь человеком из плоти и крови. Смертным человеком. Да, этому человеку удалось пережить и взрыв магического шарика, оказавшегося с сюрпризом, и даже последовавший пожар. Но не требовалось быть врачом, чтобы при виде его обгоревшего, изуродованного тела понять: Разрушитель уже нежилец на этом свете. То, что он еще дышал, а сердце билось, само по себе теперь оказалось приятным сюрпризом. Другой вопрос, что биться сердцу варварского кумира оставалось недолго.

— Я не стану объявлять о его смерти, — так ответил на вопрос колдуньи Вольгрон Сотня Шрамов, — тем, кто пожар тушил, я тоже велел молчать. Слишком много надежд у людей связано. Боюсь, если в клане и войске узнают, что Разрушитель Магии убит... что нам больше нечего противопоставить имперской волшбе — половина воинов сразу в штаны навалит, половина в ближайшую же битву. Разбегутся снова по лесам...

— Дело конечно твое, великий вождь, — дипломатичная фраза в устах Вуламары прозвучала с иронией, чуть ли не с издевкой, — но лучше бы вам и вправду бежать. И из крепости, и вообще из этих земель. Когда имперские шпионы разнюхают... а они непременно разнюхают, что Разрушитель мертв — сюда пожалуют магические виманы. И крепость разнесут, и всех, кто тут засел. Вот тогда-то твои люди точно узнают, что на Разрушителя надежи нет. Без всяких слов великого вождя... впрочем, слова бы, наверное, обошлись дешевле, чем человеческие жизни. Наверное...

Вольгрон насупился, одаривая колдунью тяжелым взглядом. Много, мол, ты, баба, понимаешь в воинской чести. Но промолчал.

Зато слово взял Верем, тоже присутствовавший на этом высоком собрании.

— Я, конечно, простой ловец шальной удачи и живу делишками, которые при свете дня только полный безумец проворачивать будет, — с таких слов начал он свой спич, — и, возможно, мое мнение о том, как вести войну и во что людям верить, никого здесь не интересует. Но все-таки вставлю свою пару грошей.

В общем... достопочтенный и великий Вольгрон! Насколько я понял, никогда еще ва... вам... вашему народу не удавалось настолько потрепать Империю. Так далеко продвинуться вглубь ее земель. И, что немаловажно для таких как я, добычи вы взяли тоже больше, чем в прежние времена. Разве нет?

Так вот, почтенный вождь. Главное, что я вынес из своей жизни лихой — это как бывает важно... вовремя остановиться. Да-да! Даже жизненно необходимо, я бы сказал. Вовремя остановиться, даже когда тебе вроде бы фартит. Тем более, когда фартит. Потому что если не остановиться, если так и продолжать хапать, удача может и отвернуться... кстати говоря. И тогда... я могу с ходу припомнить двух... по меньшей мере, своих знакомых. Ребят и смелых, и умелых — но чутьем, о котором я говорил, не обладавших. Так вот, о, могучий вождь Сотня Шрамов. Те двое не дожили до наших дней.

— Да ты, оказывается, болтлив как сорока, — Вольгрон недобро усмехнулся, — до чего дожил: меня уже крыса двуногая жизни учит.

— Правда, даже у сорок и крыс... да что там, даже у тараканов... наверное, есть чему поучиться, — парировал Верем, не выказав ни тени обиды.

Но вождь уже отвернулся от вора. И напустился на его возлюбленную-колдунью:

— Твой дружок предлагает удирать, для него это привычно. Но ты-то! Неужели ты не можешь спасти Разрушителя? Чтобы нам не драпать от виман и имперских легионов, а все так же... драться и побеждать. Ты колдунья или кто?

— Ты, может быть, удивишься, вождь, но про его спасение я и сама думаю, — молвила колдунья, на последний вопрос Сотни Шрамов прежде ответив молчаливым кивком: очевидно, мол.

— Так займись! — Вольгрон буквально взревел, — я слышал, имперцы магией любые болезни лечить могут! Любые раны! Да что там, даже среди моих сородичей умельцы встречаются: травники, лекари. Что хоть и не волшебники...

— И где эти травники-лекари? — бесцеремонно перебила вождя Вуламара, — много они сделают, когда от человека кусок горелого мяса остался? А насчет имперцев... напоминаю: колдовство таких как я и магия адептов Света — это все-таки не одно и то же. Человеку, от волшебных дел далекому, понять это трудно. Так что... надеюсь, великий вождь, ты удовлетворишься таким объяснением: у них, Светлых, лучше получается налаживать и упорядочивать, у нас — нарушать и разрушать.

Конечно, всему можно научиться. Было бы время. Вот и я не скажу, что совсем уж лечить не умею. Но одно дело — рану заставить затянуться или мелкую хворь отогнать. А тут... Разрушитель в таком состоянии, что, боюсь, потуги мои на лечение ему только агонию продлят.

— А... надолго продлят? — поинтересовался Вольгрон Сотня Шрамов с робкой надеждой, но сразу же осекся — довольствоваться полумерами он не привык, — но что-то ведь ты можешь? Не так ли? Своими умениями? Есть среди них полезное?

— О том и думаю, — Вуламара вздохнула, — что могу... и чего в результате могу добиться. Тут вот какие есть варианты. Душу Разрушителя можно переселить из этого тела в другое. Освобожденное от собственной души...

— Мертвое, то есть, — уточнил Вольгрон, и колдунья кивнула.

— Я почти уверена, что способность Разрушителя Магии при этом сохранится, — последовали ее слова, — потому что знаю... поняла из разговора с ним, как именно могла сформироваться эта способность. Благодаря прежнему занятию Разрушителя. А значит, связана эта способность с памятью... больше с его душой, а не телом.

— Если тебе требуется мое согласие, — проговорил вождь, — то вот оно: делай, что считаешь нужным. Тел, думаю, у тебя будет с избытком. Те же невольники. Да что там... наверняка даже среди воинов найдется тот, кто будет готов пожертвовать жизнью, чтобы спасти нашу надежду. Общую надежду. Главное, побыстрее...

— Э-эх, не все так просто, — возразила Вуламара, — душа может и не прижиться в чужом теле. Да, скорее всего не приживется! И тогда вместо полноценного человека мы получим существо, немногим отличающееся от мертвяков, коих я в бой посылаю. Разве что собственное сознание будет иметь. А значит чувствовать, что с ним... скажем так, не все в порядке. И даже очень «не все в порядке». Тело гниет, раны нанесенные — ноют и не заживают. Пища не насыщает... человеческая пища, я имею в виду. С ума сойти можно.

Кроме того, не будем забывать, что мы ведь не о простом человеке говорим — о Разрушителе Магии. И как его дар будет взаимодействовать с колдовством, переселившимся

душу Разрушителя в другое тело, предсказать сложно. Что если чары эти тоже разрушатся, отчего душа в новом теле не сможет задержаться надолго.

— Как по мне, — медленно произнес Сотня Шрамов, — лучше рискнуть и попробовать. И, возможно, преуспеть. Лучше, чем отнекиваться и упустить, хоть мелкий, но шанс.

— Возможно, — Вуламара пожала плечами, — но у меня есть идея получше. Только вот времени на ее воплощение уйдет много больше.

— Что за идея? — два чувства столкнулись в душе насупленного вождя. Нетерпеливость — ибо на войне многое решают порой не часы даже, а мгновения. Но и заинтересованность тоже.

— Не буду врать: я не уверена, — отвечала колдунья, — но все-таки... я, кажется, знаю, как и совместимости для подселенной души добиться, и чтобы дар Разрушителя Магии впору пришелся. Нужно всего-то на всего... найти душе Разрушителя подходящее вместилище.

Вольгрон усмехнулся, но усмехнулся невесело. Нервно, скорее. И даже Верем не выдержал.

— Что? Правда?! — воскликнул он, всплеснув руками в притворном удивлении, — а мы и не знали...

Так поразила его вопиющая очевидность последней фразы из уст Вуламары.

— Вы не поняли, — проговорила колдунья, наградив возлюбленного вора и варварского вождя сердитым... нет, скорее, нетерпеливо-раздраженным взглядом строгой наставницы, — речь идет об особом вместилище. И это не человеческое тело, если вы не поняли.

Верем и Вольгрон недоуменно переглянулись. Потом вор зачем-то еще покосился на сидевшую рядом Киру. Она тоже присутствовала при обсуждении судьбы Разрушителя — на правах персонажа «Пророчества», как и Верем. Но молчала как мышка — сказать... точнее, предложить ей было нечего. Сохранила она молчание и на этот раз.

А Вуламара продолжила:

— Какое из живых существ неуязвимо для магии? Считается неуязвимым? Сдаётся? — голос ее звучал торжествующе. И с чувством нескрываемого превосходства.

— Да не томи, скажи сама, — лениво отозвался Верем, — наверняка ведь знаешь ответ.

— Дракон, — в ответ отчеканила колдунья.

— Дракон? Но это же сказки! — теперь даже Кира не выдержала, голосок подала.

— Существо из легенд, — вторил Вольгрон, оказавшийся менее категоричным, — преданий всяких. Что-то Хранитель рассказывал, что-то пересказывали наши люди. Ну, узнал кто-то историю от отца, тот от своего отца и так далее. Да, про драконов действительно говорилось, что и стрелы от их шкуры отскакивали, и даже волшба вреда не могла причинить. Но насколько вообще этим рассказням можно верить? Ведь...

— Ведь, в конце концов, — добавил и Верем, — никто из ныне живущих драконов живьем не видел. Я, во всяком случае, таких не знаю. Даже в Темных Землях драконов нынче не встретишь. Да, у нас есть ящеры ездовые. Но сравнивать ездовых ящеров с теми могучими тварями из легенд... ну, не знаю. Все равно, что дворнягу шелудивую с волком. И да, колдовства-то ездовые ящеры как раз боятся. Собственно, колдовство-то их...

— Помолчи немного, — оборвала возлюбленного Вуламара, — и послушай. Вы все послушайте. Да, в наши дни драконов не встретить. Потому что они давным-давно вымерли. Тысячи лет назад... если не больше. Но, во-первых, люди все же успели их застать. В противном случае, откуда бы взялись все эти легенды? А во-вторых, останки драконов...

кости неплохо сохранились в земле. Иногда их находят, откапывают...

— ...и некоторые... э-э-э, скажем так, нелюдимые дамы держат эти останки возле своего жилища, — добавил, мгновенно сообразив, Верем, — гостей незваных отпугивать. Эх, помню, как мы с тобой познакомились. Согласился же я тогда залезть в башню колдуньи. На спор... сдуру.

— Ну почему же сдуру? — Вуламара улыбнулась, а голос ее прозвучал непривычно кокетливо, — неужели ты жалеешь о нашей встрече?

— Сейчас — нет, — честно признался вор, — но вот тогда... ох, прием-то ты мне поначалу оказала совсем не теплый.

— Ну да ладно, — на лицо колдуньи вернулось прежнее деловитое выражение, — колдовство позволяло превращать те кости в некоторое подобие дракона. Жалкое, понятно. И... Кира не даст соврать: боевые качества у этого костлявого чудища были так себе. Но в качестве пугала оно вполне годилось.

Однако это если наполнять драконьи останки простой колдовской силой. Обезличенной... мертвой по большому счету. Но если в качестве наполнения использовать чью-то живую душу... тогда есть надежда, что дракон оживет по-настоящему.

— Надежда, — не без скепсиса проговорил Вольгрон Сотня Шрамов, — всего лишь надежда.

— Ну, великий вождь, — парировала колдунья, — ты же сам вроде говорил, что лучше рискнуть и попробовать. А полной уверенности ни в чем быть не может, это ты и без меня, наверное, знаешь.

Тем более что надежда моя небеспочвенна. Да-да, есть два обстоятельства в ее пользу. Первое: чем больше общего у вселяемой души и тела-вместилища, тем выше шансы на успех. А для души человека, разрушающего магию, не может быть более подходящего вместилища, чем тело существа, магии не подвластного. И второе: хоть я и по другую сторону гор прожила почти всю жизнь, но кое-какие слухи даже до меня доходили. Например, о целом исследовании, аж в Магистериуме проведенном. Согласно ему, души умерших существ — людей и не только — бродят себе по миру... по мирам. Пока не находят новые тела для вселения.

Так вот. Возможно, душа нашего Разрушителя много тысяч лет назад была душой дракона. Это и поспособствовало зарождению его столь ценной для нас способности.

— Притянуто за уши, — проворчал Вольгрон, — но... ты права. Попробовать стоит. Даже если шансы малы. Но если все получится... что ж, появление на нашей стороне целого живого дракона лишним не будет. Действуй.

— Спасибо за доверие, — молвила Вуламара, — только в одиночку действовать не получится. Нужно будет доставить душу Разрушителя в Темные Земли, к моей башне. Для временного вместилища — на время доставки — сойдет и моя копилка. Благо, она успела опустеть, как я уже говорила. Так что раствориться в силе... которая сама есть не что иное, как чужие души, переплавленные в Колодце Силы, Разрушителю не грозит. Так вот, с переселением души в копилку, а потом и в останки дракона я справлюсь сама. Но до Темных Земель еще добраться надо. А это не слишком безопасно... даже для колдуньи — если она одна. Или даже с Веремом на пару.

— Я ведь невеликий воитель, — со смущенной улыбкой отозвался вор, — по крайней мере, в открытом бою, лицом к лицу. Вот ножик в спину воткнуть — это еще мог бы. Но толку-то?

— Можете взять с собой Малрана, — ответил Сотня Шрамов, — благо, опыт путешествия в Темные Земли у него уже есть.

— В прошлое путешествие воинов от вас ко мне пришло два, — напомнила колдунья, — Малран и сам Разрушитель. Так что, боюсь, того паренька тоже будет недостаточно. Хотя бы еще парочку воинов нам отряди, вождь. Хоть до Проводника дойти.

— Отряжу, — согласился Вольгрон.

— Ну и Воплощенную Удачу тоже, — Вуламара покосилась на Киру, — она ведь тоже упоминалась в «Пророчестве». К тому же удача никогда лишней не будет.

— Не будет, — вождь вроде кивнул, однако одобрения и согласия в его голосе на сей раз не было, — в том числе и для моего войска. Я больше скажу: удача нам ох, как пригодится. Когда мы останемся без Разрушителя и будем вынуждены отступать. Так что девчонка останется с нами.

— Но вождь! — вскинулась колдунья, — войско войском... но не хотелось бы ставить под угрозу исполнение «Пророчества» из-за какой-нибудь нелепой случайности. Тем более что без Разрушителя вам не победить, с Воплощенной Удачей или без.

— Девчонка останется с нами, — повторил, отчеканив, Вольгрон, — в конце концов, она невольница, захваченная моим кланом.

И тут до сих пор покорно молчавшую Киру будто прорвало.

— А может, сперва у меня спросите?! — вскричала она, едва не срываясь на визг, — с кем мне быть?

За какое-то мгновение в памяти девушки воскресли и пронеслись перед глазами все те случаи, когда ее использовали. Заставляли приносить везение, самой при этом смертельно рискуя. И не шибко интересовались, хочет того Воплощенная Удача или нет.

Живо вспомнила Кира все сражения, выигранные благодаря ее странному дару. И сколько страху успела натерпеться в каждом из них.

Но было и еще одно воспоминание. Путь в Темные Земли. И пещера, кишашая змеями... схватка с ними.

— Этот... Разрушитель, — проговорила Кира дрожащим голосом, — он хотя бы относился ко мне по-человечески. Драться кинулся, спасая меня. Так что и я... должна тоже спасти его... помочь спасти.

Хоть она и ни на что не рассчитывала, говоря эти слова, но цели своей отповедь девушки достигла. Особенно кстати пришло ссыла на неоплаченный долг.

— Ну... будь по-твоему, ладно, — изрек Сотня Шрамов. Как и всякий варвар относился он к таким вещам с пониманием и даже уважением.

Крепость клан Вольгрона покидал одновременно с Вуламарой, Веремом, Кирой, а также воинами, приданными им в сопровождение. Ну и, разумеется, с душой Разрушителя Магии, помещенной в копилку.

Руководствовались при столь поспешном исходе варвары двумя соображениями. Во-первых, так Кира могла хоть немного побыть рядом с ними. А значит, хотя бы чуточку удачи приманить и для клана. Во-вторых, разом драпанувшая из крепости толпа варваров должна была отвлечь на себя внимание имперских лазутчиков. Отвлечь от Вуламары и ее поистине бесценной ноши.

Как военачальник, Вольгрон понимал, что выводить клан правильнее, разбив воинов на мелкие группки. Так меньше шансов угодить под удары имперских виман и боевой магии вообще. Ведь на кучку из нескольких варваров маги едва ли захотят тратить силу. А коль даже и захотят, то намного меньше, чем на крупный отряд. Да и прятаться небольшому количеству людей проще, чем целой толпе.

Сотня Шрамов понимал все это. Но скрепя сердце решил пожертвовать хоть половиной... нет, даже всем кланом, но только бы вновь найти управу на треклятую магию имперцев. Что греха таить: к роли предводителя целого варварского войска — победоносного предводителя — Вольгрон успел привыкнуть. Вошел во вкус. И больше не мыслил как простой клановый вождь, чей долг заключался в сохранении возглавляемого клана. Теперь этот клан, родной и доверявший своему вождю, Вольгону уже не казался великой ценностью. Коль на кону стоял исход не какого-то рядового набега, но целой большой войны с ненавистной Империей.

Впрочем, особого самопожертвования от людей Вольгрона пока не потребовалось. К ним, вышедшим из крепости и двигавшимся к северным рубежам Империи, сподобились привязаться всего четыре виманы. И потрепать успели не сильно — отправив к праотцам разве что десяток-другой варваров.

По-видимому, почуяв кончину Разрушителя, что маги, что воины Империи, воспрянувшие духом, разом навалились на всех варваров — все кланы, прорвавшиеся в имперские земли. Вот и виманы пришлось при этой атаке расплывать на всех. А их, летающих лодок, вкупе с магами соответствующей подготовки, даже на всю Империю Света оказалось не так уж много.

Хуже было то, что попытка скрыть поход Вуламары сотоварищи не удалась. Подчиненным Норенуса Зоркого удалось-таки распознать среди оставивших крепость врагов колдунью из Темных Земель. И хотя про ее затею с копилкой, душой Разрушителя и останками дракона в Тайной канцелярии не знали, но поняли главное: колдунья удирала в сторону гор. Дабы вернуться в родные края... безнаказанной. А оставлять безнаказанным любое отродье Тьмы, нагадившее в их владениях, маги не собирались.

Отрядить в погоню за Вуламарой, Впрочем, они смогли только одну виману. Чья атака к тому же не увенчалась успехом. Маг на вимане успел выпустить всего несколько шаров — да убить одного из варваров сопровождения. Ну и Верему еще одежду подпалить. После чего, молния, сотворенная расвирепевшей колдуньей, превратила летающую лодку в исполинский костер. Вместе с боевым магом и магом-навигатором, ясное дело.

Новых попыток настичь и уничтожить Вуламару и ее спутников имперцы не

предприимали. Пока, во всяком случае. Зато Норенус Зоркий задумал отрезать колдунью от Темных Земель. Да заодно покончить с любым сообщением между этой частью мира и последним оплотом Тьмы.

Проще говоря, глава Тайной канцелярии решил уничтожить Проводника. Да при этом еще не то сам похвалялся, не то корил предшественников и всех других, кто отвечал за безопасность Империи. «Не понимаю, как раньше до этого никто не додумался, — говорил Норенус, комментируя свое решение перед подчиненными, — как я сам не додумался — непонятно!»

Для выполнения этой миссии к жилищу Проводника была отправлена вимана. Снова одна. И с неполным экипажем: из магов на борту присутствовал лишь навигатор. Но с ним прилетела еще четверка воинов — больше народу на летающей лодке не помещалось.

К чести Проводника, при виде гостей незваных, да еще спустившихся с неба, он не растерялся. И даже ударил первым — угодив ловко брошенным камнем в голову ближайшему из воинов-имперцев. Вернее, в челюсть, шлемом не защищенную. И хотя от такого удара воин остался в живых, но вмиг потерял сознание и рухнул, свесившись за борт.

Даже приди этот вояка в себя, со сломанной челюстью да поврежденными шейными позвонками он все равно был бы небоеспособен. Но вот товарищи его...

Один из трех оставшихся имперцев, мгновенно среагировав, вскинул арбалет. Щелчок — и шустрый болт настигает не защищенного доспехами Проводника, метнувшегося к дверному проему своего уродливого дома.

Не успел Проводник чуть-чуть. Болт прошел почти вскользь, а плотная ткань одежды смягчила удар, так что рана получилась несерьезная. А уже в следующий миг Проводник скрылся в проеме. И торжествующие возгласы имперцев, порадовавшихся было меткому выстрелу, сменились вздохами разочарования: не получилось. Не вышло одним арбалетным болтом убить хоть не совсем обычного, но человека.

С такими же вздохами воины Империи перебирались за борт приземлившейся виманы и сами двинулись к темнеющему проему. А у самого входа додумались разделиться. Двое полезли в окна — каждый в свое. А третий с кинжалом в одной руке и арбалетом в другой прошел туда, где в нормальных домах располагается дверь.

Он-то и погиб первым. Проводник запомнил этого стрелка, подранившего его. Подкараулил, затаившись в темноте сеней. И ухватив за шею, молниеносным движением перерезал горло — имперец даже испугаться не успел.

А Проводник подхватил его арбалет и шагнул в полутемную скудно обставленную комнату — единственное жилое помещения своего дома. Там он перво-наперво всадил арбалетный болт в шею одному из воинов, пролезших в дом через окно.

Имперец только охнуть успел, когда маленькая летающая смерть воткнулась в него. Ну и еще каким-то конвульсивным уже, бессознательным движением схватился за арбалетный болт, торчавший из горла. После чего с хрипом повалился на неровный каменный пол.

Зато товарищ убитого был жив и уже выхватил меч. Чтобы всего миг спустя резким выпадом выбить арбалет из рук Проводника. Тактического смысла в том не было — единственный заряженный болт был потрачен, и из оружия арбалет превратился в бесполезную деревяшку.

Но, видно, этот, последний из оставшихся в живых воинов оказался не чужд эффектности. Даже лихости какой-то ребяческой. Вот и захотел покрасоваться — хотя бы перед врагом. Чтобы видел, как он ловко владеет мечом, как шустро и размашисто рубит. И

что ждет врага имперского вояки уже на следующем ударе.

Это ребячество едва не стоило имперцу жизни. Профукав преимущество первого удара на неопасный уже арбалет, воин потерял время. Которое в свой черед выиграл Проводник. И потратил его на то, чтобы метнуть в противника нож — в рукопашной схватке против меча малопригодный.

Ни отбить бросок встречным выпадом меча, ни отпрянуть в сторону или пригнуться имперец не успел. Но и бросок вышел торопливым и потому не слишком метким. Так что не в лицо незащищенное нож угодил, и не в шею, но врезался прямым в железный нагрудник доспехов. И звякнув тихонько — будто выражая обиду или разочарование — упал на пол.

А имперский воин двинулся на ставшего безоружным противника.

Тот метнулся к одной из занавешенных ниш в стене — достать хранившийся там меч или хотя бы палицу... или топор. Но в полумраке комнаты, свет в которую проникал лишь через отверстия-окошки, не заметил под ногами тело другого воина. Того, которого сам же застрелил из арбалета. О него-то Проводник в спешном своем рывке и запнулся. Да рухнул как подрубленный рядом.

Такая вот нелепая ошибка — для человека, привыкшего бродить по опасным пещерам и подгорным туннелям. А убитый имперец хоть чем-то сумел помочь боевому товарищу.

Проводник едва успел подняться, когда подоспевший воин обрушил на него меч. С силой злости обрушил — да так, что почти разрубил не защищенное доспехами тело надвое.

Выдернув меч из поверженного противника, имперец обтер окровавленный клинок краем плаща и вернул в ножны. А затем огляделся — словно ожидал, что в уродливой постройке, служившей Проводнику домом, остались еще противники. Или, как вариант, сам хозяин дома мог остаться жив даже после навесного удара мечом. Остаться жив... и попробовать еще сопротивляться. Как-то не верилось воину, что столь легендарную личность можно было зарубить, как простого смертного.

Но нет: Проводник лежал бездыханный, а других жильцов в доме этого нелюдима просто не могло быть. Зато... имелось кое-что другое. Оно-то и привлекло внимание последнего из имперских воинов, прилетевших уничтожить Проводника.

Стол... вернее, его подобие, сложенное из камней, задрожало. Затем столешницу из грубо обтесанной плиты пересекла трещина. Пересекла... чтобы миг спустя разойтись, расширяясь — точно овраг при землетрясении. А из трещины поднялся в воздух и замер в паре дюймов над столом гладкий матово-белый шар. Вернее, не шар... а что-то вроде куриного яйца, только размером с голову взрослого человека.

Яйцо вращалось вокруг своей оси, источая какое-то странное тепло, особенно заметное в прохладном воздухе среди каменных стен. Тепло не натопленной печи, не котла, полного свежего варева, и даже не живого тела. Слишком ровное. Слишком... мертвое что ли? Нет, скорее, рукотворное. От природы не менее далекое, чем корабль от рыб или летающая лодка-вимана от птиц.

Но не только тепло исходило от исполинского яйца. Было и еще что-то — чего не увидеть и не потрогать руками. Имперский воин, только что убивший самого Проводника, ощутил все нарастающее желание коснуться странного предмета в его доме. И желание назойливое, досаждающее и неотступное. Как тяга почесаться. Или сплюнуть при неприятных ощущениях во рту.

Бороться с этим желанием имперец смог лишь несколько ударов сердца — не более. Несколько мучительных мгновений, тянувшихся как расплавленная карамель. После чего,

сам уже не осознавая, что делает, убийца Проводника подошел к вращающемуся яйцу и положил на него обе ладони.

Пальцы будто в глину влипли или в смолу, а не коснулись твердой матовой поверхности. Не оторвать.

«Миссия Проводника активирована, — услышал... нет, скорее, почувствовал имперец в собственной голове не по-человечески сухой равнодушный голос, — начата загрузка базового набора информации, необходимого для исполнения функций в рамках миссии. Приоритет миссии: наивысший. Примечание: в рамках наивысшего приоритета допускается удаление с биологического носителя... примечание: головного мозга исполнителя ранее записанных данных и установленных алгоритмов, если активирующее устройство сочтет их несовместимыми с миссией. Расчетное время...»

Его, времени этого, на загрузку ушло немного. И вот уже новый Проводник не без усилий оторвал ладони от активирующего устройства. Которое затем вернулось на прежнее место, скрывшись в щели, пересекавшей столешницу. Наконец, и щель сомкнулась, точно ее не бывало. Столешница снова стала единым целым.

Новый Проводник вздохнул полной грудью, вдыхая холодный воздух каменной комнаты — своего нового обиталища. Размял пальцы, еще помнившие тепло гигантского яйца. Да как бы между делом покосился на труп своего предшественника. «Ничто не вечно под луной, — подумал он еще при этом, — и человек не исключение. Ничто не вечно... но и незаменимых нет».

Оставалось одно дельце: последнее, до поры, препятствие между новым Проводником и исполнением его миссии. Высунувшись в окно, новый Проводник окликнул мага, стоявшего на палубе виманы и терпеливо ожидавшего команды на отлет.

— Эй, чароплет! — выкрикнул тот, кто еще сегодня был имперским воином, знал и помнил почти все, что помнил и знал этот воин, но успел превратиться в Проводника, — я тут штуку какую-то странную нашел. Магическую наверняка. А значит — по твоей части. Посмотри...

С неохотой маг-навигатор перебрался через борт виманы и направился к темнеющему входу в жилище Проводника. А сам его хозяин... новый уже достал из ножен и держал наготове меч. Он был уверен на все сто: сложностей с магом — отнюдь не боевым — не возникнет. А лодку летающую можно и на дрова потом пустить.

Итак, возвращения маленького десанта, отправленного для уничтожения Проводника, в столице Империи Света не дождалось. Но сначала не придали тому значения. А потом (и это «потом» наступило очень скоро) всей Империи разом сделалось не до Проводника. И не до колдуньи, дерзнувшей вылезти из Темных Земель.

Так что до жилища Проводника Вуламара и ее спутники добрались без особых хлопот — не считая рутинных неудобств походной жизни, понятно. У входа в уродливое каменное строение очередных желающих проникнуть за горы встречал уже другой человек — не тот, что в прошлый раз. Но Вуламара, Верем, Малран и Кира, если удивились, то слегка. И виду не подали. Тем более что ответ на единственный вопрос, заданный новым Проводником, самого его удовлетворил.

«Опять от Вольгрона?» — спросил новый Проводник, и колдунья со спутниками согласно закивали. Что с вождем, прозванным Сотней Шрамов, можно иметь дело, новый Проводник знал, ибо знал об этом его предшественник. То была информация, имевшая значение для исполнения миссии. А значит, чудодейственное гигантское яйцо сохранило ее, чтобы передать от мертвого исполнителя к живому.

В общем, если б не изменившаяся внешность, смена Проводника осталась бы незамеченной. Но только для тех, кто пользовался его услугами. Но были еще и другие: те, кто эту миссию придумал. И кто разработал способ, понуждающий людей этого мира ее исполнять. Разработал, воплотил в жизнь. И случившееся недавно в доме Проводника их, по меньшей мере, должно было насторожить.

В архивах Магистериума они еще значились под прозвищем «Текны». Бывшие хозяева мира, где впоследствии возникла Империя Света — они были свергнуты, изгнаны из него тысячи лет назад, когда взбунтовавшиеся маги наслали на мир Ржавую Чуму.

Но прежде, чем это случилось, Текны успели многое и кое-где преуспели. Причем не только в создании приспособлений для убийства и разрушения. Гораздо большим достижением нынешние потомки тогдашних Текнов считали выход за пределы родного мира. И колонизацию двух ближайших планет.

Эти-то планеты, недостигаемые для Ржавой Чумы и прочих магических козней, стали оплотом цивилизации, когда она рухнула в родном мире Текнов. Хрупкий то был оплот поначалу. Не меньше двух веков колонии прозябали, оказавшись без связи с прародиной, лишённые контактов друг с другом. И то балансировали на грани голода и анархии, за которыми маячило полное одичание, то сползали к тирании.

Но все плохое кончается — вот и в колониях мало-помалу положение пришло в норму. Компактные поселения, вдобавок изолированные от неблагоприятной среды планет, окрепли и разрослись. Началось строительство новых городов, наладились торговля и технологический обмен — в том числе и между планетами. Тогда же колонисты снова обратили внимание на мир, откуда вышли их предки.

Век за веком потомки Текнов наблюдали за планетой-прародиной. До поры только наблюдали — но с все растущей тревогой. Они видели, как волшебники, коих когда-то даже не принимали всерьез, укрепляли свою власть над доставшимся им миром. Как воевали, основывая новые государства... и новую цивилизацию тоже. Своеобразную цивилизацию: высоким технологиям в ней места не нашлось. И все же цивилизацию развитую. По крайней

мере, на фоне того, как жили простые люди, магией не владевшие. А скатились эти, последние, после Ржавой Чумы чуть ли не до дикости каменного века. И волшебба вкупе с крупицами знаний, сохраненных магами с прежних времен, неплохо облегчала им жизнь.

Видели (благо, со стороны всегда виднее) обитатели колоний на соседних планетах и еще кое-что. Как магия, это нарушение законов природы, постепенно разрушает мир. Как эманации творимых заклинаний наделяют простые неодушевленные предметы странными свойствами, вроде способности к полету, как оставляют многочисленные дыры в самом пространственно-временном континууме. Дыры, в которые рано или поздно могло затянуть всю видимую вселенную! Вместе с парой колонизованных планет, разумеется.

За последней большой войной волшебников потомки Текнов следили со смесью страха и надежды. Опасались они, конечно же, что война станет для фундаментальных законов мироздания последней каплей — за которой ждет всеобщий хаос и, добро, если новый Большой Взрыв. Надежда же зиждилась на том, что схватившись не на жизнь, а на смерть, две фракции ненавистных волшебников могли истребить одна другую.

Опасения не оправдались. Вселенная вроде осталась прежней, звезды все так же сияли в черной пустоте, и вокруг одной из этих звезд по-прежнему вращались планеты-колонии и планета-прародина человечества.

Но не сбылись и надежды. Война, как и большинство войн в истории, завершилась не взаимным уничтожением, а победой одной из сторон. Победители — они же маги и адепты Света — успешно зализали раны и принялись к объединению мира под властью новой Империи. Их противники, именовавшиеся колдунами и приверженцами Тьмы, закрепились на сравнительно небольшой территории, от земель, контролируемых победителями, отделенной непроходимыми горными хребтами. А впоследствии и не ими одними.

Над оставшимися своими владениями колдуны возвели Темную Вуаль. Что-то вроде поля — она отделила эту часть мира, заключив ее в компактную миниатюрную вселенную. Почти самостоятельную реальность, минимально сообщающуюся с основной.

Такой исход обитателей соседних планет ничуть не устраивал. И дело было не только в том, что вселенные имеют свойство расширяться, а предсказать последствия взаимодействия при расширении двух близких вселенных, даром, что одна из них порождена колдовством, не брались даже самые гениальные из физиков. Сам факт, что война окончена, а волшебники уцелели, оставлял в силе прежние угрозы законам мироздания.

Так что от наблюдения потомки Текнов перешли к поиску решения. Прямое вторжение исключалось — несмотря на прорву прошедших лет, о Ржавой Чуме на планетах-колониях не забыли. И гробить людей вкупе с ценной и сложной техникой в попытках уничтожить волшебников, не собирались.

Оставалось подвести узурпаторов мира-прародины к новой войне. Вот только как это было сделать, коль враждующие стороны разведены по разным углам или даже разным вселенным?

Но потомки Текнов не отчаивались. Они принялись изучать принципы действия Темной Вуали. И мало-помалу пришли к выводу, что отделенность Темных Земель от привычной вселенной носит вероятностный характер.

Проще говоря, при попытках проникнуть туда до предела возрастает вероятность сорваться и разбиться, преодолевая пограничный горный хребет, например. Или насмерть замерзнуть. Или заблудиться в переплетении подгорных туннелей, свернув не туда. Наконец, попытка попасть в Темные Земли по воздуху... или на космическом корабле неизбежно

закончилась бы аварией. Либо двигатели отказали, либо вышел бы из строя реактор. Либо, как вариант, перестало бы действовать заклинание, поддерживающее в воздухе магические летательные аппараты, известные как виманы.

Следом за пониманием пришла идея проекта «Проводник».

Первые наработки из области биологического и психофизического программирования были известны еще до Ржавой Чумы. Но за века потомки Текнов успели значительно продвинуться в этих направлениях. С опорой на них и был создан Проводник — своего рода программа или комплекс программ. Которые, будучи установлены на мозг обычного человека, изменяли и подчиняли его. Человек переставал быть самостоятельной личностью, полностью посвящая себя навязанной миссии. И, разумеется, отдалялся от своих близких, друзей, да и от общества как такового. Взамен обретая способность преодолевать вероятностные препоны колдунов.

Первого исполнителя роли Проводника — простого подгулявшего крестьянина, уснувшего прямо на лугу — похитили с помощью простого космического корабля-транспортника и гравитационного захвата, используемого для подъема грузов. Перепрограммировали его на месте: тут же, на борту корабля. А выпустив, оставили при нем и активирующее устройство. В случае смерти Проводника устройство должно было приманить нового человека ему на смену.

По замыслу обитателей планет-колоний, визиты пришельцев из Темных Земель во владения служителей Света и наоборот, должны были рано или поздно привести к новой войне — в том случае, если бы терпение одной из сторон лопнуло, и там бы сочли, что зря в свое время обошлись полумерами. Или, как вариант, визитеры могли дестабилизировать ситуацию на своей стороне. Узнав, что мир гораздо больше, чем им казалось. И от этого открытия неизбежно придя к выводу, что всякая изоляция суть самоограничение. Или, если угодно, тюрьма. Пусть даже режима не слишком строгого.

Так прошли еще века — потомки Текнов умели ждать — а потом вдруг реальность преподнесла сюрпризы.

Большая война действительно вспыхнула. Только не между магами и колдунами, а между основанной магами Империей Света и дикими племенами. «Данайские дары» магической цивилизации эти племена отчего-то принципиально отвергали. И прежде вроде не представляли серьезной угрозы для Империи. Пока неким, неведомым для обитателей планет-колоний способом, не научились ее магии противодействовать.

Вторым сюрпризом стало то, что власти магической Империи, наконец, обратили внимание на Проводника. И решили воспрепятствовать его миссии... точнее, попытались воспрепятствовать. Да, попытка не удалась — активирующее устройство и на сей раз сработало безукоризненно, по иронии судьбы зацапав одного из посланных к Проводнику убийц. Вот только сама эта акция (и возможное повторение оной) стало для потомков Текнов нарушением своего рода «пакта о ненападении» между ними и волшебниками.

Потому после атаки имперских воинов на жилище Проводника высшие руководители обеих планет посоветались... и приняли новое решение. Тем самым корректируя прежние свои планы.

Да, полномасштабное вторжение — с высадкой десантов, техники и живой силы на поверхность планеты-прародины, с оккупацией — отпадало все равно. Однако потомки Текнов смогли-таки позволить себе кратковременное, но все же вмешательство в войну между Империей и варварами.

Каждая из планет-колоний направила к прародине по эскадре ударных боевых кораблей. Обрушивших на имперцев бомбы, сгустки плазмы и разящие полосы лазерных лучей.

Под раздачу попали стоящие еще крепости, крупные скопления войск, ну и, конечно, виманы. Виманы в полете, виманы на старте, виманы в сараях для хранения. Они горели как сухие щепки. А господству Империи в воздухе пришел конец.

Противопоставить такому удару магам оказалось нечего. В том числе благодаря молниеносности оного: корабли сделали свое дело и убрались прочь. В черную пустоту космоса, волшебне недоступную. Все, что смогли сделать маги — это укрыть защитным куполом Магистериум вместе с большей частью столицы. Так что хотя бы центр магической цивилизации эту атаку смог пережить.

Но урон, нанесенный потомками Текнов, все равно оказался впечатляющим. Начавшееся было, наступление имперских легионов остановилось.

Не рвались наступать, впрочем, и их противники. Тем более, гром и огонь, сопровождавшие визит гостей из космоса, напугал и варваров тоже. Так что на какое-то время боевые действия попросту прекратились. И хоть не над всеми полями сражений и не все время тучи ходили хмуро, но везде воцарилось затишье. Стороны замерли в растерянности. Тревожно ожидая... сами не зная чего.

— Просыпайся... вставай... просыпайся, — мягко, но настойчиво повторял голос... женский.

«Отстань, дай еще поспать», — хотел ответить ему Илья Криницкий. Но не мог. Дар речи покинул его, вместе с привычными чувствами. Оным просто не было здесь места, как успел он понять. Успел, когда чередой кошмаров, порожденных непрекращающейся жуткой болью, и сама эта нестерпимая боль при каждой попытке вернуться в сознание, наконец, отпустили его. Раз — точно тумблер где-то переключили. И боль, страх, все эти муки существования в брэнном теле сменились абсолютным покоем. Ни с чем не сравнимым и неведомым прежде облегчением.

Что именно с ним произошло — Илья понимал, но, как ни странно, не испугался. Да, ангельского пения он не услышал. Но и не ощутил запаха серы и жара адского пламени. А главное: пережив взрыв и пожар, за растянувшиеся часы агонии бывший актер успел отринуть и забыть все, когда-то довлевшие над ним, желания и стремления.

Все, кроме одного: чтобы мучения, наконец, прекратились.

И вот муки прекратились. Бесследно исчезли... как и все прочие ощущения. Больше Криницкому желать было нечего, а то, что он получил — вполне устраивало. Никакой боли, никакого движения, никаких звуков. Наверное, нечто подобное ощущает муха, влипнув во что-то вязкое и мягкое. В мед, например. Нет в янтарь.

Хотя, что такое «муха», «янтарь» и «мед»? Просто слова... явления из другого мира, полного боли и суеты. Здесь, среди абсолютного, безупречного покоя они не значили ровным счетом ни-че-го.

И Криницкий не имел ничего против! Какое там — он готов был пребывать в своем нынешнем состоянии хоть целую вечность. Каковая, собственно, его и ждала... думал он. Но тогда почему звучит этот голос? Почему пытается вырвать Илью из долгожданного безмолвия и покоя. Из сладостного забытья, из блаженства... сна? Всего лишь сна?!

— Просыпайся-вставай-просыпайся-вставай...

Мысли зашевелились медленно, с неохотой. Но вынуждены были приняться за работу — хотя бы за этот нечаянный вопрос. За ним и другой последовал: кто, да с такой настойчивостью пытается его разбудить?

— Просыпа-а-айся... вста-а-ава-а-ай...

Мама — чтобы сонный Илюша собирался в детский сад или школу? Сосед по общежитию — перебрал, мол, вчера, а скоро на пары идти? Вернее соседка... или собутыльник... нет, скорее, собутыльница в более зрелом возрасте? Но при похожих обстоятельствах: перебрали-де вчера. Или жена?

Хотя... что за чушь лезет в голову — Криницкий аж сам на себя рассердился. Жена сроду не утруждала себя попытками его разбудить. Будильник, мол, есть. И какая к чертям собачьим соседка по общежитию? Ведь девушкам и парням запрещалось ночевать в одной комнате... вроде бы. И это точно не могла быть мать, ибо Илья вспомнил более чем точно: школу он давно закончил, не говоря уж про детский садик. А собутыльница... ну не бывало у его пьющих приятельниц и коллег таких мягких приятных голосов. За что зеленому змию отдельное спасибо.

И если уж на то пошло, произносил голос другое:

— Вселяйся! Оживай! Поднимайся!

Криницкий просто ослышался поначалу.

— Ну, вселяйся же! И оживай! — а принадлежал голос, как сумел вспомнить Илья колдунье Вуламаре, — я сделала все, что смогла. А дальше... только ты сам.

«Только сам!» — мысленно (а как же еще, теперь-то?) повторил бывший актер. Хотя и не понимал, что именно от него требовалось, но с этой мыслью и под настойчивые призывы колдуньи блаженное забытие внезапно сменилось решимостью. А мир снова наполнился ощущениями, звуками, светом. И картинками... нет, скорее, эпизодами. Что сменялись с калейдоскопической быстротой.

Вот он (он?) прорезает толщу воздуха, прорываясь через встречные ветра на огромной высоте. Рвется навстречу такому же, как он... такому же исполину... ящерицу с кожистыми крыльями и покрытому чешуей. Рвется в бой. Огненное дыхание ящера-противника обжигает... огромные когти оставляют в чешуе кровавые полосы — глубокие раны. На сей раз, противник оказался сильнее, а сам он постарел, ослабел. И потому, после короткой схватки уже не летит, но камнем падает навстречу земле. Чтобы никогда больше не подняться.

Вот он, Илюша, воспаряет в воздух... точнее, его поднимают руки огромного существа, которое называется Мама. Другое огромное существо — Папа — стоит рядом. И, улыбаясь, посмеиваясь, что-то говорит и тоже протягивает к нему руки. А Илюша и рад сам и посмеяться, и поговорить в ответ. Тем более, настроение хорошее, он предвкушает приятное занятие: сейчас его будут... кормить! Но ни смеяться, ни разговаривать Илюша еще не умеет. Только гукает. А потом он почувствовал, что ему мокро — и заплакал. Уж плакать-то он научился в первые мгновения жизни.

Вот он, могучий крылатый хищник, раскинув крылья, снижается над зеленеющим лугом. И пасущаяся на нем живность в панике разбегается, не желая стать обедом. Но какая-то рогатая зверушка бежала недостаточно быстро. Оказалась слишком медлительной... слишком крупной. Ее-то он и подхватывает на лету лапами. Чтобы отнести в пещеру — к самке и голодающим детенышам.

Вот Илья вприпрыжку сбегает со школьного крыльца. И догоняет впереди идущего одноклассника. А догнав — ударяет его портфелем. Не со зла. Просто считает, что это весело. Но одноклассник думает иначе. Возмущенно вскричав и чуть ли не плача, он ударяет Илью в ответ. Кулаком. И в нос. Бежит кровь, но Илья ее будто не замечает. Он тоже сердит. И теперь сам лезет в драку. Бьет по-настоящему.

Вот он нарезает круги в безоблачном голубом небе. И все сближается с приглянувшейся самкой. Он не один — вокруг во множестве кружатся его собратья, такие же крылатые, такие же прекрасные в своей чешуе, с когтистыми лапами и могучими хвостами. Весна ведь! Пора любви... и продолжения рода. Никакого стеснения: такие же пары образуются, везде, куда бы он ни обращал свой взор. Самец и самка сближаются, чтобы слиться, наконец, прямо в воздухе.

Кому-то в старших классах вспоминаются легионы уроков, выпадающих порой по семь-восемь на день. И предметы — разные, но одинаково головоломные и утомительные. Или волнения перед экзаменами. Или подготовка к поступлению в хоть какой-нибудь ВУЗ. Или первое знакомство с заведением, известным как военкомат. Но лично Илье Криницкому из тех времен более всего запомнился другой эпизод. Как он зажал в темном углу школьного коридора симпатичную девчонку из параллельного класса. И как она сперва сопротивлялась,

как отталкивала его... не слишком, впрочем, упорно. И как, наконец, сдалась — с заметным облегчением — и сама начала отвечать на его поцелуи.

Чтобы научить чадо самому главному — то есть летать — родители не мудрствовали лукаво. Но просто вытолкнули его из пещеры... за которой оказался склон горы. Крутой склон и довольно высокий. Сумеет он удержаться крыльями за воздух — и будет ему счастье. То есть, останется жив. Братишка, вон, не смог. Да так в пещеру и не вернулся. Но вот ему... кажется, повезло. Получилось! Кое-как, судорожно взмахивая крыльями, он поднимается. И достигает-таки пещеры. Возвращается в родной дом.

Вот Илья скучает на лекции — кто ж знал, что изучать актерское мастерство немногим интереснее, чем квантовую физику или сопромат... наверное. Зато после кнута в виде занятий Илью ждал пряник. Попойка в общаге. Или на лавочке в ближайшем парке.

Вот Илья Криницкий репетирует. А вот и выступает на сцене. И наблюдает за реакцией публики в зале... разочаровываясь. Вместо оваций и восторженного визга юных поклонниц получая жиденькие аплодисменты. А то и вовсе свист нетерпеливого недовольства.

Вот Илья Криницкий дома. Ссорится с женой. Вот мотается по городу, выполняя поручения заправил местного преступного мира. Вот попадается Кирпичу и Занозе, вот заносит его в другой мир, в плен к варварам, в Темные Земли.

И вот, наконец, схватка с Глебом. Бандитом, которому было не привыкать хвататься за пистолет и палить в упор даже в человека, с которым только что мирно беседовал. Выстрела не получилось... но от этого не легче. Неожиданно Глеб взрывается, взрывом задевает самого Илью. А потом разгорается пожар.

А потом скорлупа, наконец, поддается под его лапками и зубками. Проламывая ее, он высовывается наружу. Высовывается впервые за свою короткую жизнь. Крылатая громадина склоняется над ним — прекрасная, как всякое существо с крыльями и покрытое чешуей. Нет, даже больше. Ибо именно это существо подарило ему жизнь. Он выбирается из яйца, раскидывая обломки скорлупы...

...и Вуламара, Кира и Верем с замиранием смотрели, как скелет дракона на глазах обрастает плотью. И как огромный ящер, раскинув кожистые крылья, воспаряет к небесам.

Более всего дракону хотелось подкрепиться. Ведь... сколько он не ел? Тысячу лет? Десять тысяч? Больше? И все же часть его сознания, принадлежавшая некогда Илье Криницкому, предложила голод утолить по пути. А лететь дракону предстояло не абы куда. У него была цель. И впереди лежал долгий путь.

Дракон летел к белеющим впереди вершинам горного хребта. Достигнув их, он не без усилий перелетел горы, на ходу разрывая Темную Вуаль. И тысячи обитателей Темных Земель в изумлении замерли, увидев, что небо над ними из пурпурного враз сделалось голубым. А солнце стало таким ярким, что с непривычки больно смотреть.

Но еще больше оказались удивлены колдуны. И удивлены неприятно. Вуаль не просто разрушилась — восстановилась ткань мироздания, их владения возвращались в прежде покинутую вселенную. Где творить Темные чары становилось намного трудней.

Тем более что смещение границ между вселенными что-то все-таки нарушило в их хрупкой структуре. Что-то незаметное... но и этого хватило, чтобы Колодцы Силы начали стремительно иссякать. Души умерших больше не плавилась в них. Они разлетались. Но куда — смертным знать не дано.

А дракон летел все дальше и дальше. Туда, где столкнулись полчища варваров и легионы Империи Света. Неуязвимому для магии и в то же время недосягаемому для мечей, стрел и

копий — этому могучему созданию вскорости предстояло стать тем, кто переломит ход войны. Той гирькой, что склонит ее весы в пользу варваров. Чтобы, обратив Империю в прах и истребив под корень ненавистных магов, спустя века они могли построить новую цивилизацию.

Цивилизацию, забывшую, что такое волшба. А значит, и неопасную для законов мироздания.

Цивилизацию, с которой и потомки Текнов смогли бы установить контакт. И жить, хоть в относительном, но мире.

Больше книг на сайте - Knigolub.net